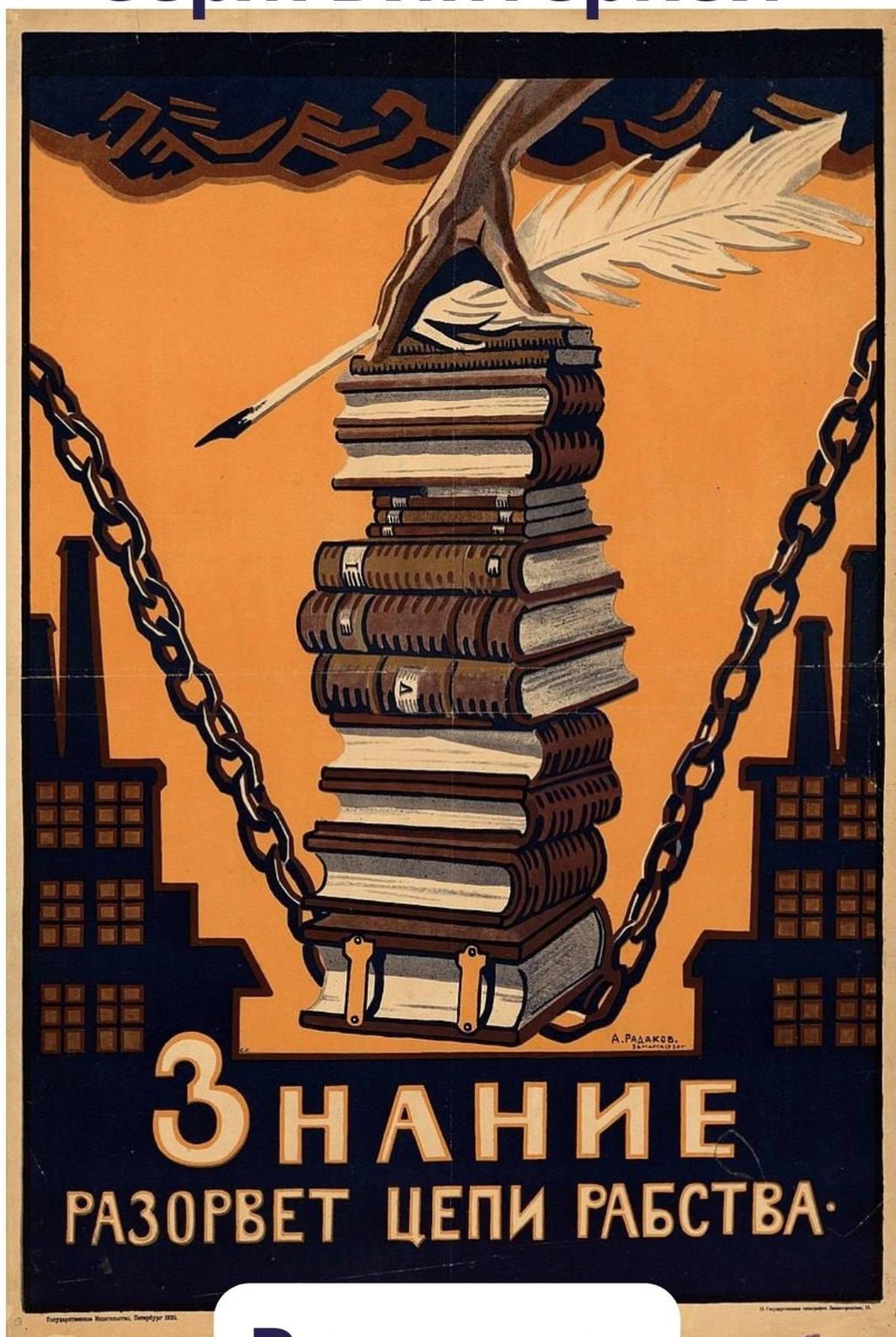

Артем Шумилин
Серж Винтеркей

Ревизор:

Возвращение в СССР 13

Ревизор

Серж Винтеркей

Ревизор: возвращение в СССР 13

«Автор»

«Автор»

2024

Винтеркей С.

Ревизор: возвращение в СССР 13 / С. Винтеркей — «Автор»,
«Автор», 2024 — (Ревизор)

Приключения московского аудитора, попавшего из нашего времени в 1971 год, продолжаются. Павел Ивлев принимает активное участие в борьбе за контроль над меховой фабрикой – там все непросто. В то же время его личные контакты с влиятельными людьми приобретают неожиданное продолжение. А благодарность от ливанского бизнеса в помощи по поимке вора заставит даже его, выдавшего вида аудитора, удивиться.

© Винтеркей С., 2024

© Автор, 2024

© Автор, 2024

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	23
Глава 5	29
Глава 6	35
Глава 7	40
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Артем Шумилин, Серж Винтеркей

Ревизор: возвращение в СССР 13

Глава 1

г. Москва. Квартира Ивлевых

– Эх, хоть и ждали, но все же лучше бы без этого. – сказал я.

– Вам с Еленой Викторовной нужно сейчас решить, – сказал Сатчан. – что необходимо срочно сделать, пока они из бухгалтерии на производство не пошли.

Пригласил их раздеться и пройти на кухню. Представил удивленной такому необычному визиту Галие. Она взволнованно поглядывала на меня и на своего бывшего шефа.

– Всё под контролем, дорогая. – попытался я успокоить её.

Она нарезала нам бутеров с копчёной колбасой, налила чаю и ушла в спальню, догадавшись, что у нас совещание, на котором посторонние недопустимы.

– Что надо сделать? – задумался я. – Прежде всего, успокоиться и не нервничать. А то знаете, как говорят? На воре шапка горит. Они там в ОБХСС тоже не лыком шиты, опытный оперативник, в первую очередь, психолог. Будете психовать, только внимание привлечёте. Вот так, как вы сейчас выглядите, точно нельзя держаться. Будьте спокойны и уверены. – сказал я главбуху.

– Дальше. На время проверки нужно остановить левый выпуск. – сказал я, глядя на Сатчана. – Совсем.

– Понял. Конечно. – кивнул он.

– Та-ак... Кроме работы с документами, – продолжил я. – милиция может опрашивать рабочих на местах. Поэтому, всех, кто что-то конкретное знает, отправьте кого на больничный, кого в командировку, кого в отпуск. Чтобы у ОБХСС к ним не было физического доступа. Замените их временно другими людьми на интересующих нас участках, и чтобы эти новые люди вообще не в теме были. Это не так много, десяток-полтора человек. На фоне двух тысяч сотрудников предприятия этого никто не заметит.

– Понял. – кивнул Сатчан. – Сделаем.

– Ну и сидим, курим, ждём и наблюдаем. – подвёл итог я, глядя на главбуху. – Сами им не подсказем своими необдуманными действиями, они и не докопаются. Спокойствие и терпение. Попросят документы, вы предоставляете, спокойно и уверенно. Чайку им предложите с печеньками... Хорошо?

Главбух, вроде, отошла от первого шока и закивала.

– Можно, я после работы буду заходить к вам? – спросила она вдруг.

– Не можно, а нужно. – сказал Сатчан.

А вдруг её сопровождают? Она приведёт их прямо ко мне. Хотя, вряд ли, это какой ресурс надо задействовать. Для этого очень веские основания нужны. Но все же не помешает подстраховаться...

– Может, нам на нейтральной территории где-нибудь лучше встречаться? – на всякий случай решил предложить я. Паранойя – не паранойя, а бережёного бог бережёт. Наводить врагов Сатчана на свою квартиру было бы тупо. Она мне очень нравится.

– Тут почта у метро, я видела, когда мы ехали. – предложила главбух. – Позвоню от метро, ты подойдёшь.

– Ну, можно и так. Типа, бланки за одним столом заполняем. – согласился я.

– Конспираторы. – усмехнулся Сатчан.

Они допили чай, более-менее успокоились и ушли. А мне было не до спокойствия. Всё ли предусмотрел? Обо всём ли подумал? Ну, сейчас сделать уже, всё равно, ничего нельзя. Начнём суетиться на глазах у доблестной милиции, только хуже сделаем. Остаётся только ждать и надеяться на то, что очень глубоко копать они не станут.

Вечер прошёл на автопилоте. Мысли крутились вокруг проверки. При желании, можно нарыть. Я бы нарыл. Весь вопрос в квалификации и мотивации проверяющих. Обрадовался, когда Родька пришёл, пошли с ним Тузика выгуливать, хоть отвлёкся немного.

Утром проснулся совершенно с другим настроением. Появилась уверенность, что всё будет хорошо. Не зря говорят, что утро вечера мудренее.

Минут за двадцать до назначенного срока Юрка Бахтин уже стоял у нас в коридоре и нетерпеливо переминался с ноги на ногу, пока мы с женой одевались.

– Возьмём тапки с собой. – велела Галия. – Не будем же мы у них в уличной обуви по мастерской ходить.

В моём представлении художественная мастерская это что-то, связанное с рабочей обстановкой, в смысле, там не шибко чисто. Но спорить с женой не стал.

Ровно в одиннадцать спустились на первый этаж. Михаил Андреевич сразу открыл нам дверь, он стоял в прихожей уже почти одетый. Выдал по увесистой сумке мне и Юрке. Елена Яковлевна вынесла ему ещё одну сумку и велела идти уже в мастерскую, сказала, что догонит нас.

Мы вышли и пошли в сторону проспекта Мира, перешли его и направились в сторону платформы. Но не прошли и квартала, как Михаил Андреевич нас остановил.

– Пришли. – с беспокойством оглянулся он назад, высматривая Елену Яковлевну. – Заходите. – открыл он дверь обычного подъезда.

Мы поднялись на верхний этаж и оказались в обычной по планировке двухкомнатной квартире, но с необычно большими окнами.

Вот она – святая святых. Мы вышли по очереди из прихожей и разбрелись кто куда. На стенах висели большие полотна, размеры которых измерялись в метрах. Портреты, пейзажи, сюжетные картины. Надолго мы потерялись в этом месте. Уже и Елена Яковлевна пришла, а мы всё бродили по комнатам. На стенах не было свободного места. Всё было увешано работами художников. Много чего стояло на полу, отвёрнутое к стенам. Взглянув на Михаила Андреевича, хотел было начать их перебирать, но он остановил меня.

– Там ничего интересного. – сказал он. – Холсты пустые. Или работы не оконченные, или просто рамы.

В мастерской была полноценная кухня, санузел с ванной.

– Здесь можно жить при желании. – заметил я.

– А что ты думаешь, у нас тут жил как-то знакомый художник из Самары два года. – усмехнулся Михаил Яковлевич. – так уж получилось, надо было его выручить.

Оценив, сколько тут работ, сколько у них дома, сколько они на заказ сделали и продали, я представил себе масштабы работы художников.

– Сколько же за всю жизнь вы картин написали? – спросил я уважительно.

Михаил Андреевич рассмеялся.

– На самом деле, ты видел только малую часть. Каждого члена союза художников обязывают для денежно-вещевой лотереи по пять небольших картин написать. А она же каждый год. Вот и посчитай. А сколько подарено!..

– Идите за стол! – позвала всех Елена Яковлевна.

Старики, оказывается, несколько сумок угощения приготовили. Вот что, оказывается, мы тащили. По центру стола стояла потрёпанная глиняная бутылка, очевидно, с домашним вином.

– Ну вы даёте. – стало неудобно мне. – Думал, вы моментом воспользовались, чтобы какие-то вещи в мастерскую с нашей помощью перенести, а вы вон, что устроили.

– Нам очень приятно, что вы тут. Мы любим гостей. – ответила Елена Яковлевна, улыбаясь.

Нас угощали домашним пирогом с рыбой под грузинское вино. Потом мы пили чай со сладким печеньем с секретом. Ломали печенюшки и читали предсказания. Так забавно было, временами смешно. Сколько в эти милые записки было вложено заботы, души. И времени...

Эти художники потрясли меня до глубины души. Мой мир перевернулся. Мало того, что у них в мастерской чисто, как в квартире. Мало того, что они пашут, пашут по-настоящему, а не ждут вдохновения от поэзии атмосферы.

Но они и как люди очень интересные, душевные, интеллигентные. Понятие «человек творческий» утратило для меня свой ироничный смысл. Наоборот, я проникся к этим художникам глубоким уважением. Глубочайшим.

Потом нам рассказывали об офортах. Показали пресс, большой, тяжёлый и солидный. Мы просидели в гостях часов до пяти. Мы бы ещё сидели, но надо и честь знать. И потом, я вспомнил про проверку на меховой фабрике. Вдруг она и по выходным проходит. Или главбух захочет встретиться. А меня дома нет, я на звонок ответить не могу. Мне вчера показалось, что Елена Викторовна от меня уверенностью заражается и будет приезжать даже без повода, просто пообщаться.

Юрка к нам не пошёл от художников, попрощался на полпути и потопал к метро, заявив, что, похоже, он не станет заканчивать Горный институт. Задержал его на пару минут.

– Ты впереди паровоза не беги. – посоветовал я ему. – Узнай сначала, что нужно для поступления в художественную академию. Может, там конкурс бешеный и проще будет в художественное училище какое-нибудь попроще после института на вечернее отделение поступить. А если сейчас Горный бросишь, в армию загремишь. И будет тебе рисование зубной щеткой по унитазу в течение двух лет. А вот если Горный закончишь, как полагается, военную кафедру пройдя, то офицером станешь. Скорее всего, в армию на сборы съездишь на несколько месяцев, и после этого сможешь дальше учиться. Уже на художника.

Юрка посмотрел на меня, как на врага народа, все мечты ему сломал. Но он тоже не сообщает! Отчислят и здравствуй армия в ближайший же призыв! Не совсем то, что надо для тонкой деликатной натуры художника, я знаю, я служил. Ладно, пусть сам думает.

Вечером заехал Сатчан.

– Трое взяли больничный. Двое с понедельника за свой счёт напишут на неделю. – докладывал он, как будто я его начальник. – Хватит недели?

– Да кто его знает? – пожал плечами я. – Ну, не хватит, напишут ещё на неделю по семейным обстоятельствам. А остальные как?

– Да остальной народ стрелянный. Их на понт не возмёшь. На дачу завтра, кстати, с тобой едем.

– Так. С этого места поподробнее. – усмехнулся я, догадавшись, что это привет от тестя Сатчана.

– Тесть ждёт. – озадаченно почесал он затылок. – И Римма, и ты в одной машине... Не очень удачно, думаю.

– Согласен. Та-ак... Я могу на электричке доехать до ближайшей платформы, а ты меня встретишь на станции без Риммы.

– О. Тогда мы сегодня туда и поедем. – согласился он. – Тесть с тёщей уже там. А тебя будем завтра ждать на разговор.

– Кстати, жена не отошла? – спросил я.

– Дуется, но обеды-ужины готовит. – поделился Сатчан.

– А откуда ветер дует, не выяснил?

– Многовато народу набралось, что могли такие подробности без проблем узнать. Так что надо с ней поговорить, узнать, кто ей в уши надул. А она со мной не разговаривает. Только да, нет, не знаю.

– Упёртая какая... Как твой тесть вообще? Есть какие-нибудь особенности в общении, что мне надо знать? Обидчив, высокомерен?

Сатчан подвис немного от такого вопроса. Потом почесал затылок и сказал:

– Так-то, мужик он вежливый и справедливый, обо всем договориться можно. Но я же с ним общаюсь в другой позиции, как зять. Как он с тобой разговаривать будет, кто его знает...

– Ну и это уже ценная информация. Был бы спесивый и надменный, уж ты бы точно заметил.

Мы договорились, что я доеду завтра до нужной платформы, он меня встретит и прямо к тестю доставит. Сатчан сейчас доедет до вокзала, уточнит расписание электричек и перезвонит мне с автомата.

Тут Родька зашёл. Предупредил Галию, что Сатчан звонить должен, попросил её телефон слушать внимательно.

На следующий день Галия хотела меня нарядить, как на свадьбу, услышав, что к министру знакомиться еду.

– Дорогая, ну, мы же в неформальной обстановке встречаемся, на даче. Ну какой галстук? Свитер на рубашку и джинсы.

Приехал на станцию, как договорились, Сатчан меня уже ждал в своём жигулёнке. Как народ высыпал из электрички на перрон, он вышел из машины и стал высматривать меня. Помахал ему рукой.

Добрались быстро, еще раз по дороге обсудив, что мне лучше говорить. Решили, что сам я никаких вопросов о любых беременностях не поднимаю, есть шанс, что он тоже такого касаться не будет.

Римму мы сразу не встретили, и слава богу, а то, кто его знает, что она устроила бы, увидев меня. А мне надо до этой встречи успеть впечатление на министра произвести, чтобы она уже глупо выглядела, если скандал устроит. Министры обычно в людях разбираются. Пообщаюсь с ним хоть немного, и он поймет, что я не пустышка.

Министр автомобильных дорог СССР Николай Алексеевич оказался очень серьёзным дядькой. Внешне совершенно невозмутимый, он очень корректно поздоровался, представился и пригласил меня в свой кабинет.

Как выяснилось, дача министра – это полноценный коттедж, а в кабинете можно провести совещание человек на десять.

Бегло осмотрелся, но личности за обстановкой кабинета не разглядел. То ли казенная дача только недавно обрела своего нового хозяина, то ли... Так и не успел придумать, что «то ли, как Николай Алексеевич положил ко мне поближе газеты, что лежали у него на столе.

– Теперь, вижу, что это всё вполне может быть. – постучал пальцем по стопке газет он. – Неплохо держишься, не суетишься, как будто каждый день к министрам в гости приезжаешь. А то признаться, сперва подумал, что зять меня дурит, и ты просто на фотографиях засветился.

– Да я и на фотографиях, признаться, не хотел светиться.

– Это почему? – впервые с интересом взглянул он на меня.

– А зачем? – пожал я плечами. – Вскокочек в любых коллективах не любят. Это Павел всё, зять ваш. Не хотел, чтоб вся слава ему одному доставалась. Честным хотел быть... А мне это не надо.

– А что же тебе надо?

– Такая вот слава нужна, с общественными инициативами, чтобы по комсомольской линии продвигаться. А я хочу обычной работой заниматься, в экономической сфере. Выучиться, устроиться на работу, сделать карьеру на каком-нибудь серьёзном предприятии...

Семью обеспечить. Детей на ноги поставить... Что ещё?... Полезным обществу быть, в конечном итоге.

Министр усмехнулся, хитро прищурившись, он молча смотрел на меня. Выдержал его взгляд спокойно. При ближайшем рассмотрении, у него оказался добрый взгляд. Не так страшен министр, как его малюют.

И тут он спросил, каким я вижу своё ближайшее будущее.

– Насколько ближайшее? – уточнил я.

– Лет пять.

– Это я только университет закончу и куда-то распределюсь. Но, уверен, на этом месте меня уже будут хорошо знать и должность у меня будет сразу уровня руководителя среднего звена.

– С чего ты так уверен? – уже по-свойски спросил меня Николай Алексеевич.

– Так я уже над этим работаю. Уже больше сотни предприятий с лекциями от общества «Знание» объездил в Москве и области! Наверняка будут предложения по распределению от директоров. И я еще выбирать буду.

– Так ты ещё и лекции читаешь? – заинтересованно наклонился в мою сторону министр. – И где ты выступал последний раз?

– В депо метрополитена. – ответил я тоном, каким сказочник начинает рассказывать свою сказку.

– И что ты им там рассказывал? – рассмеявшись, ответил он, оценив мою шутку.

И тут Остапа понесло. Выложил ему концепцию транспортной инфраструктуры всех видов транспорта для единого городского пространства всего Московского региона, включая города Подмосковья. Сначала он слушал просто с интересом, а в конце уже с большим интересом. Всё, что я ему рассказывал, выстрадано жизнью. И когда я перешёл к «возможным» ошибкам проектирования транспортных развязок типа «клевер», он не выдержал.

– Да, с чего ты взял?! – воскликнул он.

– Это простой расчёт! Стоит замкнуться одному из четырёх лепестков развязки, как вскоре встанет вся развязка. Можете эксперимент провести.

– И проведём! – уверенно сказал он.

Тут дверь приоткрылась и заглянула Римма.

– Пап, обедать. – произнесла она и тут увидела меня.

Несколько мгновений мы смотрели друг на друга. Она опомнилась и скрылась за дверью. Фух, вроде не настроена она бузить...

– Пообедаешь с нами? – пригласил меня Николай Алексеевич.

– С удовольствием бы остался, но надо в Москву. – подумал я, что пора и честь знать. Хочешь произвести благоприятное впечатление на важного собеседника, заканчивай встречу сам, когда ты ему любопытен, а не заставляй его тебя выгонять. – Дела не ждут. Спасибо вам за интересную беседу. Очень рад знакомству.

Сатчан повёз меня на станцию. Предупредил его по дороге, что Римма меня видела в кабинете у отца. Мы попрощались, он высадил меня у платформы. Пожелал ему удачи и остался ждать свою электричку.

* * *

Дача министра автомобильных дорог РСФСР.

Николай Алексеевич вышел в гостиную, жена с дочерью уже ждали за столом.

– А где Павел? – спросил министр, не заметив нигде зятя.

– Гостя повёз на станцию – ответила жена.

– Гостя!.. – воскликнула нервно дочь. – Да вы знаете кто это?! Этот мерзавец Сатчана покрывает! Что он здесь делал?

– Успокойся, Римма. – удивилась мать. – Что случилось-то? Зачем покрывает?

– То и случилось. Что Сатчан привёз в Москву любовницу, свою бывшую помощницу в Святославле, а этого мальчишку уговорил на ней жениться! А она беременная от него! – Римма зарыдала.

– Ой, дура, дура... – вздохнул министр. – Будь наш сегодняшний гость лет на пять постарше, я бы тебя за него замуж выдал, а не за Сатчана...

* * *

Глава 2

Дача министра автомобильных дорог РСФСР.

– Коля! Ну, что ты говоришь? – воскликнула жена, пытаясь успокоить дочь, поглаживая её по спине. – Паша Сатчан хороший муж!

– Катя!.. – Николай Алексеевич многозначительно посмотрел на жену, и та сразу опять переключилась на дочь, отмахнувшись.

Министр давно понял, что торговля многозначительным молчанием это золотое дно. А кто там что себе при этом подумал – дело десятое.

– Римма, с чего ты взяла, что Павел Ивлев женился для отвода глаз на любовнице твоего мужа? – спросил министр.

– Что?.. – возмущенно уставилась на него жена.

– Мне помощница его звонила! – выкрикнула в слезах Римма. – Она всё про него знает!

– Помощница. Вот как... – проговорил министр. – Бедный мой ребёнок... Тебя обвели вокруг пальца, как маленькую девочку.

– Так! – раздраженно бросила на стол салфетку Екатерина.

– Катюш, – обратился министр к жене. – думаю, тебе надо серьезно поговорить с дочерью. И чем быстрее, тем лучше. Вон, Павел уже возвращается. – кивнул он в сторону окна.

– Пойдем, девочка моя. Вся тушь расплылась... – подхватила Екатерина дочь под локоть, вытаскивая её из-за стола. – Если бы ты знала, родная, сколько раз мне писали и звонили всякие помощницы!.. А ты не думала о том, что она хочет заставить вас развестись, чтобы самой прибрать твоего мужа к рукам? Банальная же вещь – работает с ним, влюбилась в него, единственное препятствие, с ее точки зрения – это ты. Первый вопрос, что нужно задать себе, когда слышишь что-то странное, так это, кому это выгодно!

Что правда, то правда. – подумал министр, когда жена увела дочь из гостиной. Он остался один и принялся за остывающий обед. Через что им с женой пришлось пройти, пока он поднимался по карьерной лестнице, лучше не вспоминать. Но они всегда оберегали свою единственную дочь от всей этой грязи, и она выросла наивной и доверчивой. Похоже, что зря...

Дождавшись, пока зять усядется за столом, Николай Алексеевич спросил:

– Думал уже, кто Римме доложил, что Ивлев на твоей бывшей помощнице женат?

– Да, это и не секрет никакой. – пожал плечами Сатчан. – Многие в курсе. Я-то, вообще, думал, что это плюс моей репутации, поймите правильно, что людей своих не бросаю, за собой тяну и всё такое... Понимаете?

– Ну, это... – усмехнулся министр. – Да.

– Хотя, в данном конкретном случае, они сами решили в Москву ехать и вернулись раньше меня.

– Уже не важно... Запомни, – сказал Николай Алексеевич. – слишком преданные люди, тоже плохо. – и многозначительно посмотрел на зятя. – Это помощница твоя.

Павел от удивления аж есть перестал. Вот уж, на кого никогда бы не подумал, считал, что преданней человека у него еще не было, думал, ей можно доверять. А ещё собирался по всем кабинетам её за собой таскать... Представлял, как он станет министром, а она рядом с ним дорастет до министерского работника... Идиот! Хорошо ещё, что ни во что серьёзное не успел её посвятить.

Эх, молодо-зелено... – думал министр, наблюдая за шоком, а затем за глубоким разочарованием, появившимся на лице зятя. – Парень неплохой, но ему ещё набираться и набираться опыта.

Сатчан на нервах решил прогуляться по лесу. Николай Алексеевич это одобрил – ему надо некоторые неожиданные вещи упорядочить в голове. Прогулка ему в этом поможет.

Дочь успокоилась после разговора с матерью, и Николай Алексеевич решил тоже поговорить с ней.

– Римм, – подсел он к ней в гостиной. – жизнь длинная и сложная. Не всегда мы с матерью будем рядом, не всегда сможем помочь. Твой муж хороший человек и не дурак. У тебя есть все шансы прожить с ним хорошую жизнь. Но тебе надо помогать ему, а не ссорить с нужными людьми. Надеюсь то, что случилось, не скажется на дружбе Ивлева с твоим Павлом. Поверь, этот парень очень далеко пойдёт. Иметь таких друзей дорогого стоит. Я рад, что у твоего мужа такой друг есть. Нельзя их дружбу рушить.

– Можно подумать, на этом Ивлеве свет клином сошёлся. – буркнула Римма.

– Сошёлся, не сошёлся, а я людей вижу! – строго сказал ей отец. – Я сам всего добивался. Мне никто не помогал. Отец в колхозе всю жизнь работал, мать потерял совсем маленький... Кто сам пробивается, как этот Илев, те гораздо крепче на ногах стоят, чем вы, родившиеся на всё готовое. Сколько меня ни пытались подсадить детки наших партийных деятелей, пока молод был, а ничего у них не вышло. Потому что они на всём готовом, не получилось, ну и ладно. А у меня выхода другого не было, кроме как своего добиваться.

Римма встревоженно взглянула на отца. Она прекрасно знала, каким жёстким он может быть. Побаивалась и очень уважала его способность не пасовать и не отступать перед любыми трудностями.

– Со своей секретаршей Павел разберётся. Она тебя никогда больше не побеспокоит. – сказал Николай Алексеевич. – На будущее, дочка, кто-то позвонит еще раз, а звонить будут, потому, что твой муж – желанная партия для многих, всё запиши, кто звонит, как связаться и передай мужу. Дальше это будет его забота. И не надо переживать, изводить себя и мужа. Только порадуешь эту сволочь, возмнившую себя твоей соперницей.

Последние слова министр произнёс с таким чувством, что Римма испугалась за участь тех несчастных, которые осмеливались писать или звонить её матери.

Взглянув на ситуацию с другой стороны, она поняла, что совершенно напрасно переживала почти две недели. Надо было сразу Сатчану всё сказать, пусть бы сам и разбирался. Павел, конечно, гораздо мягче отца, но не спустит и не простит такую выходку никому. В этом Римма была уверена.

– И ещё, дочь. – обратился к ней отец. – Тебе надо извиниться и помириться с женой Ивлева. Это будет правильно и разумно. Ещё неизвестно, кто кому нужнее будет лет через десять, Сатчан Ивлеву или наоборот.

Римма уже и сама об этом подумала. Вела она себя, конечно, безобразно...

* * *

Вернулся домой часам к трём. Обеспокоенная жена меня едва дождалась. Вместе с Родькой. Дед его сегодня ушел на сутки, и пацан упросил его оставить не с Шурой, а у нас. Галия посадила его модель доклеивать, пока меня не было. Поделился с ними впечатлениями от знакомства с министром.

– Хороший, в целом, человек. – подвёл я итог. – Без зазнайства и спеси. Вот есть же такие...

Появилось свободное время и хотел позаниматься, но, пообедав, почувствовал, как сон накрывает. Нервотрепка последних дней, похоже, начала своё брать. Перегрузил я свой новый организм. – решил я и завалился спать.

Домочадцам не оставалась ничего другого, как прилечь рядом. Так я и проснулся через пару часов: с женой в обнимку и чужим пацаном под боком. В голове кот, а в ногах собака.

Интересная у меня жизнь. – усмехнулся я про себя и попытался аккуратно вылезти из постели, чтобы никого не разбудить. Но оказался той нижней картой, вытащи которую, и весь картонный домик рассыплется.

Все мгновенно проснулись, стоило мне пошевелиться.

Минут через тридцать уже все отошли от сна, попив чаю с бутерами, сидели за столом на кухне и решали, что делать дальше. Позаниматься перед сном успеем, решили мы с женой. А сейчас хотелось чего-то для души.

Но для души не получилось. Выскочивший из постели Тузик стал очень характерно метаться у двери. Мол, хозяин, что-то не то сожрал, очень на улицу надо. В моих интересах было к нему прислушаться, уже проверено. Так что мы с Родькой быстро оделись и пошли на улицу.

Выходя с Родькой и Тузиком из подъезда, на первом этаже опять столкнулись с капитаном, он из лифта выходил с очередным каким-то мешком. Мы поздоровались, он пропустил меня с собакой вперед и вышел за нами.

Родька выхватил у меня поводок и понесся по двору с Тузиком. А я решил познакомиться с капитаном, соседи все же. Предпочитаю знать, с кем рядом живу. Да и стыдно немного было, что принял его недавно за не пойми кого, а он так пострадал из-за своей жены. Так что остановился у дверей, ожидая, когда сосед мусор выкинет. Родька тем временем сделал с псом круг вокруг двора и подбежал ко мне, не понимая, чего я стою. Сосед возвращался.

– Павел. – протянул я ему руку. – С третьего этажа, восемьдесят первая квартира.

– Николай. Седьмой этаж. Девяносто восьмая. – лаконично доложил капитан, остановившись.

– Рад знакомству. Прошлый раз как-то не получилось познакомиться. – сказал я. Сосед при этих словах кивнул и немного смущенно пожал плечами. Похоже, стыдно стало, что едва из-за елки не подрался.

– Да. Не в духе я был, это говоря мягко. – сказал сосед. – Навалилось все как-то... Не хотел никого ни видеть, ни слышать. А тут хмырь этот, иголки ему убери... – капитан снова начал раздражаться.

– А правду болтают, что вы капитан? – спросил я, стараясь перевести тему в более мирное русло.

– Правда. – усмехнулся сосед.

– Ух ты! – восхищенно ахнул Родька. – Прямо настоящий?

– Да, капитан дальнего плавания. Что, интересно тебе? – обратил сосед внимание на пацана, с открытым ртом вклинившегося между нами. – Вы братья, что ли? Похожи!

– Ну, разве что только по духу. – улыбнулся я и прижал малого к себе. – Родион в соседнем подъезде живёт с дедушкой. Не так давно и познакомились.

При последних моих словах у капитана брови удивленно взметнулись вверх.

– А приходите ко мне в гости. – неожиданно предложил он. – Покажу всякие сувениры заморские.

Родька при этих его словах аж подпрыгнул на месте и с такой надеждой на меня взглянул, что шансов отказать не было.

– С удовольствием! – подмигнул я пацану, от чего тот мгновенно просиял. – Сейчас, только с собакой погуляем и зайдем. Но ненадолго, – строго глянул я на мелкого. – Тебя накормить надо. Галия там уже хлопочет по хозяйству.

Николай усмехнулся и пошёл в подъезд. А мы с Родькой сильно сократили привычный моцион Тузика, надеюсь, он не обидится. Наверное, и сам понимает, что без очереди не положено то, что положено по очереди.

Закинули пса домой, предупредил Галию, что я на седьмом этаже, услышал требование быстрее возвращаться покушать. После этого чуть не бегом побежали с Родькой по лестнице,

не дожидаясь лифта. Только мы постучались, как услышали «Открыто!». Родька на радостях уже собрался рвануть внутрь в уличной обуви, едва успел поймать его за шиворот.

Ох, не зря я с этим капитаном решил познакомиться. Люблю чужие квартиры осматривать, много можно о хозяевах сказать. Эта квартира была натуральной экспозицией всяческих причудливых вещиц и сувениров. Морские раковины разных форм и просто огромных размеров, морской ёж, какой-то гигантский зуб, морская звезда, безделушки из кокосового ореха и много всякой прочей ерунды.

– А это чей? – спросил я, указав на зуб.

– Зуб кашалота. – улыбаясь, ответил Николай.

Перед хрусталём в буфете с зеркальными стенками стояли открытки с переливающимися картинками: улыбающиеся азиатки подмигивали одним глазом. Родька завороченно приседал перед ними, пытаясь уловить момент перехода одной картинке в другую.

– Да, Родька, сюда надо на целый день приходить. Настоящий музей. – оглядываясь по сторонам, проговорил я.

– Ага. – протянул он восторженно.

– А сейчас кормить тебя пора. Галия обидится, если задержимся.

Тут Николай протянул Родьке слоника с детскую ладошку из очень чёрного дерева. У слоника были вставлены белые бивни, как будто из кости, а вместо глаз металлические бусинки. Родька с благоговением принял подарок, не в силах оторвать от него глаз.

– Что надо сказать? – слегка обнял я малого за плечи.

– Спасибо! – чуть дыша, прошептал мальчишка.

– Рад знакомству. – пожал я руку Николаю.

– До свидания. – блаженно улыбаясь, попрощался Родька.

– Приходите, как покормите пацана. – улыбаясь, пригласил нас хозяин, – Галия же ваша жена, верна? Вот с ней и приходите.

Дома рассказал жене, что был в гостях у капитана, и что он приглашал в гости после ужина, надо будет сходить, как покушаем.

– Неудобно целой толпой без предупреждения... – возразила Галия. – Ты лучше сходи пригласи его к нам на ужин, я голубцы сегодня приготовила. О, точно! Он же один сейчас, кто ему приготовит?

– Согласен. Прекрасная идея!

Поднялся на этаж. Позвонил в дверь.

– О! Привет! – радостно воскликнул он. – Как вы быстро обернулись! Так, а где малой и жена? – распахнул он дверь настежь, приглашая меня войти.

– Я, собственно, хотел тебя пригласить к нам в гости. Жена голубцов наготовила...

Николай откровенно растерялся, потом улыбнулся и метнулся внутрь квартиры.

– Я щас. – услышал из комнаты.

Он вышел почти сразу с бутылкой чего-то импортного.

– Корейский соджу. – гордо показал он мне бутылку с фруктами на этикетке.

Он закрыл дверь, и мы спустились с ним к нам. Познакомил его с женой. Галия засуетилась, заметалась, накрывая на стол. Что-то разволновалась, что с целым капитаном дальнего плавания познакомилась!

– Успокойся, дорогая. – поймал я её за руку. – Мы никуда не торопимся!

Мы расселись вокруг стола. Родька ждал рассказов о заморских странах и с откровенным интересом рассматривал бутылку с иероглифами.

– Родька, это для взрослых. – заметив, что он уже облизываться начал сказал я. – Соджу крепкий как водка.

– Правда, что ли? – разочарованно спросила Галия. – А я уже четыре стакана приготовила...

– Две рюмки надо. А вам я компота сейчас принесу. – пошёл я за банкой в спальню.

Попробовал это соджу. Ну, интересно, но не более того. Не зря я не очень в прошлой жизни любил всю эту азиатскую экзотику. Саке, китайскую водку со змеями внутри бутылки...

Галия угощала нас голубцами со сметаной. Ещё по чуть выпили с Николаем, точнее, я его поддерживал, а он пил.

– Эх, Родька! – вдруг сказал Николай. – Как я тебя понимаю! Сам с бабушкой рос. Ни отца, ни матери...

– У него есть отец. – поспешил пояснить я. – Только далеко сейчас.

– Сидит? – ошарашенно одними губами спросил сосед.

– Не, – замотал я головой. – военный. В заграникомандировке.

– Ну, хоть так. Это хорошо. – потрепал он Родьку по голове. – Батя вернётся...

– Конечно, вернётся. – поддержал я. – Куда он денется...

– Я так о сыне мечтал... – признался капитан, тоскливо взглянув на Родьку, которому надоело с нами сидеть, и он переключился на кота на подоконнике. – Теперь ни жены, ни детей...

– Ещё всё впереди. – сказал я и подлил ему в стопку его корейского пойла. Быстро с него развозит, однако.

– Брось. В сорок лет детей нет, уже и не будет. Слушай, хотел спросить тебя, ты дверь такую где взял?

– Дам телефон. – пообещал я.

– Хочу дверь поменять. А то уйду в рейс, квартира пустая будет стоять. Мало ли что...

– Верная мысль. У нас в подъезде уже кража была. Соседей наших обнесли.

– Ой. А у меня же цветы! – вспомнил Николай. – Жена оставила. Вам не нужны цветы? – посмотрел он на Галию.

– Комнатные? – заинтересовалась она.

– Ну, на подоконниках...

– А можно посмотреть?

– Конечно. Пошли!

Мы всей гурьбой поднялись к нему. Галия про цветы забыла, естественно. Потерялась в ракушках, морских звёздах и кораллах. Дали ей время насмотреться. Родька бегал от одной полки к другой и кричал ей:

– А здесь посмотри!

Галия как ребёнок с восхищенными глазами осматривала диковинки.

– А можно потрогать? – спросила она, стоя перед сушеной рыбой-шаром.

– Конечно. – разрешил Николай-щедрая душа.

– А мне? – тут же подсуетился Родька.

– Давайте аккуратно. – заволновался я. – А то сейчас всю коллекцию разнесёте.

– Да, ладно! – одернул меня Николай. – Ещё привезу. Вам, кстати, что-нибудь надо?

– Нам всё надо. – тут же сориентировалась жена.

– Джинсы можно. – начал перечислять я. – У нас же всё буквально дефицит. Родьке надо на вырост костюм спортивный в школу, футболки, кроссовки. Ещё, если не многого просим, ему же джинсы и свитер. Много не надо, растёт быстро. Тебе деньги надо дать или техникой? Вы же за валюту за границей отовариваетесь? Могу фотоаппаратов купить, секундомеры наши, говорят, хорошо идут.

– Часы наручные можно. – пожал плечами Николай. – Это ещё не скоро, потом обсудим. Вы подумайте, может, ещё что надо.

Жена забыла про экзотику, подошла к нам и в глазах её я заметил ажиотажный блеск. Хватай мешки, вокзал отходит...

– Платок газовый с люрексом. – поспешно начала перечислять она. – Нитки мохеровые. Кримплен...

– Дорогая, это всё не скоро ещё будет. – поспешил я успокоить её. – В рейс через пару месяцев, да? – взглянул я на Николая. – И в рейсе четыре. Если срочно, что-то надо будет, в Берёзке купим.

У Галии лицо прояснилось, она смущённо улыбнулась.

– Цветы. – подсказал я.

Цветы на окнах были замученные без должного ухода. Галия забрала большой алоэ, каланхое, традесканцию, две фиалки. Мы несколько раз с Родькой спускались к нам, перетаскивая горшки.

– Фикус заберите и пальму. – просил Николай. – Это финиковая пальма. Наверное...

– Большие очень. – сразу не понравились мне эти кусты. – У нас кот, от этой пальмы за вечер ничего не останется. Рыжий гад будет в кадки ссать. Да, и куда их поставить?

– Ну, тогда, будете поливать, когда я в рейсе. – решил сосед. – Не выбрасывать же их.

– Это можно. – согласился я.

Он взял последний цветок, который Галия выбрала для себя, и мы пошли обратно к нам, допивать корейское соджу.

Глава 3

г. Москва

Гулять вечером с собакой пошли все вместе, мы с женой, Родька и Николай. Малый сегодня у нас ночует, дед на сутках, можно не волноваться, что он ждет его у окна, и не торопиться. Сосед много рассказывал про Индию и Кубу. Посещал не раз Гонконг, Малайзию, Сингапур. А вообще, по всему миру ходил, несколько раз в Японию и Южную Америку. Впечатлений масса, я так понял, он может рассказывать часами про дальние страны. Родька держал его за руку и смотрел в рот.

Николай выпил прилично, но ни разу не сказал, на каком судне ходит, и что перевозит, хотя болтал без умолку. Очень интересный типаж, встречал я таких, прикидываются простачками и балагурами, а на самом деле держат под постоянным контролем и себя, и окружающих. Это же СССР – секретность во всем, что связано с его зарубежными поездками и товарами, ему необходимо соблюдать. Небось, и оружие в дружественные СССР страны возит и боеприпасы. Так что у Николая – подписки, тесный контакт с КГБ, а то и с ГРУ. Одно слово: советский капитан!

Утром в понедельник отправили Родьку в школу и поехали на учебу сами. На перемене меня выловила Эмма Эдуардовна.

– Павел! – едва сдерживалась она, чтобы не обнять меня. – Звонили из Курчатовского института! Отзывы о твоей лекции просто великолепные!

– Да что вы говорите. – постарался искренне удивиться я. – Я очень рад.

– Да! Они просили тебя ещё раз прислать уже в следующем месяце.

– С удовольствием съезжу. – ответил я. – Тем более, мне самому понравилось.

– Ты молодец, Павел. – дотронулась она до моего плеча и, довольная, пошла дальше по своим делам.

Я так понимаю, инцидент с Будапештом исчерпан.

Ну и надо мне к следующему визиту подготовиться получше. Может, хоть здесь удастся что-то для СССР хорошее сделать. Подсказать какие-то инновации. Хотя толку-то... Придет Горбачев, разрушит страну, и все эти инновации бесплатно привезут на Запад сбежавшие от разрухи советские ученые. Вот западные корпорации обрадуются новинкам, полученным на халяву!

После пар заехал в райком, узнал, как дела с проверкой на меховой фабрике.

– Ну, пока тишина... – выдохнул Сатчан и переплюнул через левое плечо.

– В бухгалтерии сидят?

– В основном, нет. Побыли там полдня только. По цехам ходят, смотрят.

– Елена Викторовна как держится?

– Молодцом. Рассказывала, отдельный кабинет им выделила для работы с документами, все условия, на обед в столовую водила.

– Хорошо.

Сатчан встал и вышел в свою приёмную. Я вышел за ним.

– Ничего не замечаешь? – спросил он меня.

– Пусто как-то... – огляделся я. – А где твоя секретарша?

– Выгнал. – поджал губы Павел.

– О как... Она?

Он кивнул головой.

– Представляешь, думал, какая сотрудница замечательная, с полуслова понимает.

– История стара, как мир. – задумчиво проговорил я. В меня тоже помощницы влюблялись, но я, хотя бы, не был женат. – Возрастную помощницу в следующий раз бери. – подсказал Сатчану. – Чтобы она не о шурах-мурах с тобой думала, а по-матерински опекала.

Мы еще немного поговорили о том, как впредь обезопасить себя и семью от подобных выходов. После райкома поехал на курсы вождения. Вернулись с курсов с женой поздно. Сразу пошли с Родькой на прогулку, а Галия взялась пока лёгкий ужин сварганить.

Проводил Родьку и, вернувшись домой, застал жену в странном состоянии. Удивление на её лице было таким, как будто она с инопланетянами повстречалась.

– Что случилось? – спросил я с порога.

– Римма Сатчан только что звонила. – ответила Галия таким тоном, как будто сама себе не верит.

– И? – потребовал я конкретики.

– Извинилась.

– И всё?

– Всё.

– Муж заставил? – предположил я. – Или папа-министр?

Галия пожала плечами.

– Говорила, вроде, искренне. Не так, как будто кто-то заставил.

– Неожиданно. – признал я, усаживаясь за стол на кухне. – Хотя, в свете того, что я сегодня узнал...

– Что узнал? – заинтригованно спросила Галия, поставив передо мной тарелку с яичницей и сосисками.

– Секретарша Сатчана позвонила Римме и рассказала ей историю, будто ты его любовница, и он тебя в Москву за собой из Святославля притащил, а меня для отвода глаз уговорил на тебе жениться. Похоже, влюбилась в него и хотела его развести.

– Что-о-о?!

– Да-да. Представляешь, какая фантазия у девушки.

– Да я ей... – Галия покраснела от злости.

– Брось. – обнял я жену. – Сатчан её уже выгнал. Отложи томагавк в сторону, скво, скальп сняли за тебя.

– Поторопился! – воинственно ответила жена.

Рассмеялся, глядя на её решительный вид.

– Ладно, дорогая. Всё хорошо, что хорошо кончается. Римма извинилась. Уверен, ей не просто было это сделать. Простим её?

– Простим. – согласилась Галия. – Раз ее саму подставили, то ладно, можно понять. Да и мне было очень жаль, что мы с женой Паши не нашли общий язык. Думаю, теперь найдём.

Галия ушла читать в спальню, а я засел за конспекты на кухне.

Не прошло и двадцати минут, как в дверь постучали.

На пороге стоял Иван, под глазом фингал. В одной руке бутылка, в другой Лина записка.

Молча распахнул перед ним дверь, типа, заходи. Он благодарно кивнул и сел за стол, поставив передо мной бутылку коньяка.

Вышла жена. Ей одного взгляда на Ивана хватило, она нарезала нам домашней колбасы, хлеба, поставила передо мной рыбную консерву, положила открывалку и оставила нас.

Стаканы я сам взял. Налил Ивану, сам выпил символически для начала разговора. Но он не спешил передо мной душу наизнанку выворачивать. Положил передо мной записку.

– Как думаешь, это правда? – наконец спросил он.

– Не уверен. – честно сказал я.

– Вот и я так думаю. – сказал Иван, налил себе ещё и залпом выпил.

Он молчал. И я молчал, не зная, что ему сказать. Проблема, вечная, как жизнь...

– Я этого «брата» как у Лины увидел, глазам своим не поверил. Неужели опять?! – подумал. У меня с первой женой точно так же было... – Я сразу все понял. Брат он, как же. Когда с родственником общаются, не выглядят такими виноватыми, да и не шастают в одном халатике, едва одетые...

Вот оно что! Ему с таким опытом точно с Линой не ужиться.

– Слушай. Давай начистоту. Лина, я думаю, не относится к твоему типу женщин. – сказал я. – Ты стабильности хочешь, преданности, а она женщина-праздник. Да, красивая. С ней интересно и весело. Но для совместной жизни она не подходит. Для такой жизни нужна спокойная женщина, домашняя. Согласен?

Иван молча кивнул.

– Ну вот и забудь. Ты с ней жил бы, как на вулкане, как на пороховой бочке. Она не изменится ради тебя. А у тебя жизнь кочевая, с твоей-то профессией. Каждый раз по приезду сюрприз был бы... Так что, перелистни страницу и живи дальше. Найдешь ты еще свою половинку!

Иван опять кивнул.

Ну, а что я ещё мог ему сказать. Не говорить же, что она даже меня клеила. А у нас разница, на минуточку, больше десяти лет.

Иван просидел у нас больше часа. Все никак не мог смириться с произошедшим. Допил бутылку и пошел к себе. Помог ему до постели добраться. Накидался он изрядно. Ну, авось стресс хоть немного снимет. Главное, чтобы в привычку не вошло.

Сел на кухне над учебниками, которые так и не было возможности сегодня полистать. Задумался... И как мы в двадцать первом веке жили, не зная соседей даже по лестничной площадке? Наверное, развитие технических возможностей для коммуникации компенсировало отсутствие общения с тем, кто рядом. Зачем идти к соседу, если можно набрать по видеосвязи приятеля с Камчатки.

Работал как-то на одном предприятии, так тамошний директор сына в Европу учиться отправил, жилье ему отдельное снимал. Мне интересно было, как там парень, по семье не скучает?

– Да они с бабушкой, моей матерью, целыми вечерами на связи. – усмехнулся директор. – Вчера, вот, блинчики делали вместе, она у нас на кухне, а он в Амстердаме. Она его уже научила и отбивные жарить, и шарлотку печь.

И вот зачем, спрашивается, при таких возможностях парнишка станет общества соседей искать? Ему и так не одиноко и есть, с кем поговорить.

Вышла Галия, услышав, что Иван ушёл, села напротив меня с грустным взглядом.

– Что-то не везёт Ивану. – произнесла она. – Ирина Леонидовна рассказывала, что у него и первая жена заводная была. Могла ночью пьяненькая домой вернуться. А однажды, представляешь, в одной туфле пришла! Потеряла где-то, не помнит где. Это как надо было напиться, чтоб туфлю потерять?

– Может, в Золушку играла, – пошутил я. – Главное, что всегда возвращалась, в любом состоянии. Автопилот дорогу домой помнит.

Галия посмотрела на меня удивлённо, а я горько усмехнулся, представив себе состояние мужа при такой жене. Вернулась такая женщина-кошка домой, нагулявшаяся и счастливая с таким видом, будто муж должен радоваться, что она вообще домой вернулась, накормить и не трогать, дать отдохнуть.

– Жалко Ивана, – снова вздохнула жена. – Очень ему Лина нравилась.

– На вкус и цвет, конечно... Но второй раз на те же грабли. – задумчиво произнес я. – Похоже, это у Ивана проблемы, дорогая: спокойные девушки ему не нравятся. – развёл я руками. – Такое бывает. Ему надо в себе разобраться, понять, чего он хочет в жизни. Иначе история будет повторяться снова и снова.

– Почему? Может он уже все понял и больше такой ошибки не сделает, – возразила жена. – На ошибках учатся.

– Ах, если бы, – я мрачно усмехнулся. – Так говорят, но на самом деле все несколько иначе. Чтобы человек смог чему-то научиться на своей ошибке, ему надо, во-первых, осознать, что дело в нем, а во-вторых, разобраться, что именно в его действиях к этой ошибке привело. А это очень сложное дело. Большинство людей даже первую часть работы над ошибками сделать не могут, виня во всем других людей или обстоятельства. Что уж говорить о второй. Так что в реальности чаще всего человек наступает снова и снова на одни и те же грабли, виня во всем свою неудачливую натуру.

– Но ведь бывает же, что просто не везет, – возразила Галия.

– Да, – я кивнул, – если что-то случилось один раз, может и просто невезение сработало. Но если повторилось второй – извини, это уже система.

– И что делать тогда? Как Ивану помочь?

– Пока никак. Взрослому человеку в голову не залезешь и жизнь за него не проживешь. Это его задача, ему и решать. А уж сколько времени займет решение, предсказать невозможно. Так что, не переживай. Если от нас что-то будет зависеть, сделаем. А пока, пошли лучше спать.

* * *

ДАС МГУ.

Ираклий всё никак не мог уснуть. Всё думал, почему у КГБ такой интерес к Пашке Ивлеву. И не только у КГБ. Замдекана по научной работе к нему равнодушна, то к себе вызовет, то сама прибежит... Не похоже, что Пашка на плохом счету. Будапешт опять же... А как он хладнокровно от него отказался! Словно в деревню соседскую предложили съездить. Да предложи кто ему...

А ЗИЛ? Там его всё комсомольское начальство лично знает.

А стройотряд, который Лёха Сандалов организует? Там, похоже, тоже всё на Пашке завязано. Ираклий как-то поинтересовался, на каком предприятии работать надо будет летом, Лёха сказал, что ещё не знает, этим вопросом Паша занимается.

Ох, не простой парень этот Ивлев. Надо к нему поближе быть, глядишь, удастся полезными связями обрасти или хорошо пристроиться. – решил Ираклий.

* * *

Квартира Павла Сатчана.

Римма извинилась перед Сатчаном за свою доверчивость по отношению к чужому человеку и недоверие к родному мужу. Всю дорогу с дачи домой она сидела в машине с виноватым видом.

– Чужой девке поверила. – оправдывалась она. – Даже в голову не пришло усомниться. Хоть бы Ивлевы не решили, что я конченная стерва.

Павел был очень рад, что семейная жизнь вернулась в прежнее спокойное русло. Жена опять стала заботливой и приветливой, в понедельник встретила с работы, как и прежде, накрытым столом. На радостях он предложил ей куда-нибудь сходить, например, в театр.

Римма с радостью согласилась. Муж не затаил обиду, за что она была ему очень благодарна. Правильно отец сказал, что ей неплохой муж достался. И жена Ивлева поговорила с ней, хотя могла трубку бросить. Имела все основания.

– А если мы Ивлевых пригласим с нами в театр, как думаешь, они согласятся? – вдруг спросила Римма мужа. Ей очень хотелось загладить вину перед всеми и начать всё заново.

Сатчан такого предложения от жены никак не ожидал и удивленно и немного настороженно соображал, что бы это значило. Но, видя ее смущенное лицо, пообещал узнать, может и согласится.

* * *

Вторник в универе прошёл спокойно, наш агитационный коллектив каждый обед уже традиционно вместе проводил. Мы сдружились и как-то само собой получилось, что старшим признали меня.

– Что там с Комсомольским прожектором? – спросила как-то Света. – Сходил бы ты к Самедову. – попросила она меня. – А то он подумает, что нам не интересно, другую команду наберет.

– Что за Комсомольский прожектор? – тут же заинтересовался Ираклий. – Я тоже хочу! Пришлось наведаться к Самедову.

– Рашид Фархадович, добрый день. – кивнул ему я через открытую дверь. Методист взглянула на меня и никак не отреагировала. Решил, что это значит, что Самедов не занят.

Он посмотрел на меня с удивлением и рукой предложил присесть рядом.

– Ребята застоялись без дела. – начал я. – Интересные у нас проверки были. Уже и еще один доброволец есть, что желает в Комсомольском прожекторе поработать. Команда в вашем распоряжении и рвётся в бой.

Самедов откинулся в кресле и с интересом посмотрел на меня.

– А что за новичок такой? И почему пришел именно ты, а не Борщевский? – спросил он меня.

– Ребята попросили. – невинно пожал я плечами. – А парень надежный, комсорг нашей группы на первом курсе.

– Что ж, похвально, что есть такой запал работать, и даже доброволец новый появился. ... – задумчиво посмотрел на меня Фархатыч.

Я улыбнулся в ответ.

– Хорошо. – сказал Самедов и встал из-за стола. – Можешь идти.

– Когда мне к вам подойти? Или вы сами меня найдёте, если мы понадобится? – решил сразу уточнить я.

– Сам найду.

– Спасибо. – сказал я и пошёл к выходу, видя, что прощаться за руку со мной он не собирается.

Наши так и ждали меня в столовой.

– Ну, что? – нетерпеливо спросила Светка.

– Сказал, что команда рвется в бой и ждет указаний. – ответил я.

– А про меня спросил? – влез Ираклий.

– Сказал, что ты желаешь тоже поработать.

– А он? – не отставал Ираклий.

– Ничего. – развёл я руками. – Может, посмотреть на тебе ещё захочет. Откуда я знаю, он мне не докладывает.

– Ну да. В чужую голову не залезешь. – поддакнул Лёха.

Ираклий разочарованно насутился и умолк.

– Не расстраивайся. – решила поддержать его Света. – Думаешь, там прямо конкурс в Комсомольский прожектор?

– Конечно, вам легко говорить: не расстраивайся. – с досадой заявил Ираклий. – Вы все москвичи. Даже Лёха, вон, из общаги съехал. Вы после учёбы в Москве и останетесь. А меня распределят куда-нибудь в Таджикскую республику.

А скоро ещё и Брагин съедет... – подумал я.

– До распределения еще, как пешком до Пекина. – сказал я, усмехнувшись своим мыслям.

Надо было уже идти на пару, и мы поспешили покинуть столовую.

После пар съездил на лекцию в очередные «Дары природы». Магазин находился недалеко от метро, всего пять остановок на автобусе. Коллектив магазина оказался возрастной, принял меня хорошо. Тётушки жалели меня, мол, тяжело сейчас учиться в университете. Вопросы задавали не по теме лекции, а спрашивали где я учусь и далеко ли мне домой добираться. Всё пытались меня поскорей домой отправить. Первый раз меня так принимали... Удивительное дело.

– Ну, раз вам всё понятно, – пришлось согласиться мне. – тогда я поехал?

– Езжай уже. – усмехнулась заведующая и сунула мне небольшой сверток.

Уже на улице сообразил, в чем дело. Едва я вышел, дверь за мной поспешно прикрыли, и повесили табличку «Переучет». Соотнес это с тем, что запах был спиртного от сотрудниц, да и глаза у них блестели. Все стало на свои места – они уже начали потихоньку что-то важное в коллективе праздновать, и спешили от меня избавиться, чтобы продолжить. Какая уж тут лекция, когда водка в организме плещется, и еще хочется добавиться...

Глава 4

г. Москва

Лекция накануне праздника совершенно бессмысленное мероприятие. Завтра же восьмое марта, выходной. Вот сотрудницы и начали уже с обеда гулять. Будем считать, что я их поздравил тем, что смылся побыстрее и дал возможность продолжить.

Удивило, что в универе восьмое марта празднуется как-то скромно. На подарки девчонкам не собирали. Единственное, Ираклий воспользовался опытом нашей агитбригады и организовал из соседей по общежитию небольшую команду для смешной сценки-поздравления. Парни и спели, и сплясали. Девчонкам понравилось. Посмеялся над сценкой вместе со всеми, крикнул «Поздравляем!» и переключился на текущие дела. Занёс Эмме Эдуардовне коробку зефира. Она очень мило улыбнулась и поблагодарила.

* * *

Москва. Гагаринский райисполком. Кабинет второго секретаря РК КПСС.

– Так не бывает. – недовольным тоном выговаривал второй секретарь посетителю в форме майора милиции. – Там не может не быть нарушений.

– Но, Герман Владленович. Люди отработали. Ничего не нашли. – возразил майор.

– Плохо искали. Пусть ещё раз всё перетрясут.

– Это огромная застроенная территория. – возразил майор. – Десять производственных корпусов, масса пристроек, сараев, гаражей, подвалов, каких-то будок... Знать бы, хотя бы, где искать! А то, это даже не иголка в стоге сена!

– Ну знаете! Знали бы, где искать, к вам бы не обращались. – ответил ему Иван Николаевич, райкомовский работник. – Кто из нас профессионал? Ищите!

Майор кивнул, поджав губы. Спорить было бесполезно... Тем более, что все в кабинете прекрасно знали, как сложно было организовать эту проверку. Майор даже припомнить не мог, когда бы проверке ставили так палки в колеса. Даже когда разрешение удалось получить, каждый шаг на меховой фабрике начальство рассматривало под микроскопом, требуя неукоснительного соблюдения социалистической законности.

Кто-то влиятельный очень не хотел проведения этой проверки, и однозначно, был категорически против того, чтобы она дала результаты. Вот и приходилось ему маневрировать между двумя влиятельными силами. Силу использовать нельзя, любую жалобу на нарушение прав работников грубостью или выкручиванием рук тут же неизбежно раздуют в катастрофу вселенского масштаба. Стать жертвой борьбы двух группировок майор откровенно не хотел, ему еще подполковником нужно стать, прежде чем на пенсию выходить. Поэтому проверку проводил, но полностью по текущему законодательству. Чтобы придаться к нему не мог никто. Будут результаты – хорошо. Не будут – тоже.

* * *

Решил заехать к Сатчану, узнать последние новости про фабрику и взнос за квартиру завезти. Лучше я сам куда-нибудь подъеду, чем они с главбухом проверяемой фабрики ко мне домой ходить будут. Да и почта тоже так себе вариант – один раз прокатит, а потом сотрудницы могут что недоброе заподозрить. Никогда не знаешь, когда на наблюдательного человека нарвёшься. Насмотрится сотрудница фильмов про шпионов и позвонит в КГБ, решив, что мы с главбухом шпионы американские.

Позвонил Сатчану от метро. Он пообещал дожидаться меня.

– На фабрике всё ровно. – доложил он, встретив меня в своей приёмной, перерывая бумаги на столе своей бывшей помощницы. – Обещали кого-нибудь прислать, но так и не прислали пока. – сказал он, заметив мой недоумённый взгляд.

– Это хорошо, что всё ровно. Но не расслабляйтесь, – посоветовал я. – Пока милиция на фабрике, все может быть. Я тут подумал. Чтобы такую проверку организовать, считай повторно, и опять с привлечением милиции, это надо хорошие связи иметь. Соперник против вас играет по-крупному и, как я понимаю, круг заинтересованных в фабрике лиц постепенно расширяется. Неплохо бы выяснить, кого они подключили. Чтоб понимать, с кем дело имеет. И после проверки тоже нужно будет минимум пару недель за людьми понаблюдать. Могут кого-то завербовать и задание дать стукнуть, если что подозрительное увидит.

– Естественно, выявили уже всех. – сказал второй секретарь и вернулся в свой кабинет, найдя, наконец, нужную бумагу. Положил её у себя на столе и принялся одеваться.

– Проводи меня до машины. – попросил он.

– А что такое?

– Привет передам из типографии.

– Понятно. – усмехнулся я. Ещё с десятков томов дефицитных изданий. – О! Чуть не забыл. – положил я столбик на стол рядом с бумагой.

Сатчан спрятал его в ящик своего стола и принялся выключать везде свет.

– Мы с женой приглашаем тебя в театр, – вдруг объявил Сатчан, когда мы спускались по лестнице.

От неожиданности споткнулся на ступенях и изумленно посмотрел на него.

– Вот и я так же среагировал, когда Римма это предложила. – рассмеялся он.

– Это Риммы идея? – не поверил я.

– Да. Переживает, что вы про неё плохо думаете.

– Ну... Неожиданно. Спрошу у Галии. Она тоже очень сожалела, что они с твоей женой не нашли общий язык. Позвоню, короче, как узнаю. – пообещал я.

Сатчан кивнул.

В багажнике его машины стояли стопки книг, завернутые в оберточную бумагу и обвязанные пеньковым шпагатом. Сатчан подал мне одну. Сначала она не показалась мне тяжелой. Но пока тащил домой, шпагат, даже через перчатки, больно ладони продавил.

У нас на кухне застал Ирину Леонидовну. Она разговаривала с Галией. Выражение лица у неё было такое несчастное.

– Что-то случилось? – обеспокоенно спросил я.

– Иван с Линой объяснился, – вышла ко мне Галия. – Сказал, что всё кончено.

Ирина Леонидовна всхлипнула. Решил не мешать их беседе. Может, человеку выговориться надо.

Прошёл в спальню. Сразу за мной Галия пришла, сказала, что ужин мне сейчас в постель принесет.

– Чудесный сервис. – поблагодарил, когда она принесла мне тарелку с макаронами с сыром и чашку с чаем.

Пужинал, одновременно рассматривая книгу из пачки. Первая книга из серии про Анжелику, Анн и Серж Голон. Вспомнив прочитанный в двадцать первом веке роман, вот просто был уверен, что эта ранняя версия очень сильно пострадала от цензуры. Очень хорошо, подумал я, укладывая книги на антресоли шкафа к остальным моим запасам. Купим стенку в большую комнату, книжные полки уже не пустые будут. Пусть она даже после цензуры, на эту книжку я смогу выменять все, что угодно.

Курсы сегодня пропустили. Надо бы позаниматься. Решил полистать учебники, пока время есть до прогулки с Тузиком. Но Ирина Леонидовна ушла, и Галия тут же прискакала делиться новостями.

– Иван порвал с Линой, – сказала она. – и страдает теперь.

– Милые бранятся, только тешатся. – отшутился я.

– Ирина Леонидовна тоже этого боится. – поделилась жена. – А она так радовалась, когда они расстались.

– А что так? – заинтересовался я. – Лина ей не нравилась? Вроде, хорошо же всё между ними было.

– Да, соседи разное говорят... А дыма без огня не бывает... – смутилась жена, сама любительница посплетничать.

– Понятно. – хмыкнул я. Уж не рассказала ли она соседке, как Лина со мной натурой расплатиться пыталась?

– Ирина Леонидовна переживает, что они снова помирятся, и просит познакомить Ивана с кем-нибудь. Я всё думаю, думаю... Никто на ум не приходит. Мои девчонки все при мужьях или встречаются с кем-то. Да и молоденькие слишком мои подруги для него.

– А в группе девчонки? Что, все замужем? – не поверил я.

– Нет, но... – Галия замялась. – Как вспомню их ехидные рожи, когда меня на собрании разбирали!.. Не нужны Ивану такие.

– Согласен. Этим злым дням нашего археолога не отдадим.

– А у тебя никого знакомых нет незамужних? – повернулась ко мне жена.

Интересный какой вопрос... От жены... Приятно даже, хороший у меня кредит доверия с ее стороны.

– Слушай, у меня все мои знакомые – это либо одноклассницы бывшие, либо однокурсницы нынешние. – задумчиво ответил я. – Молодые они для Ивана слишком. И вообще. Не уверен, что в таком деле стоит посредничать. Даже если они понравятся друг другу и сойдутся, то потом каждый раз, когда у них будут проблемы в отношениях, придётся с обеих сторон претензии выслушивать за то, что их познакомили. Сначала Иван с бутылкой придет разбираться ко мне, как давеча, а потом его жена с бутылкой к тебе. Сопьемся с такими соседями.

Галия хмыкнула и улыбнулась.

Вскоре пришёл Родька, и мы ушли с ним на улицу. Поиграли с собакой, побегали, и думать забыл про новую невесту для Ивана.

Но, когда ложились уже спать, Галия вспомнила, что на работе они уже начали готовиться к восьмому марта, и Ксюша просила её через неделю принести что-нибудь к общему столу.

– А то у нас только старый Иннокентич и штукатур Петрович. – пояснила Галия. – На них надежды большой нет.

– Сами себя поздравлять собрались? – удивился я.

– Нет, зачем? Просто, стол сами организуем. Скромный. Чуть-чуть посидим. Мы с Ксюшей не пьём. Иннокентичу тоже нельзя, у него давление...

– Слушай. А Ксюше твоей сколько лет? Она замужем? – вспомнил я эту рыжую девчонку.

– Была замужем. Двадцать восемь ей, кажется.

– Так может, её с Иваном познакомить?

– Ты ж говорил, нельзя посредничать...

– А мы так устроим, что они не поймут. Пригласим её, как твою начальницу, пригласим его, как соседа. А дальше пусть сами. О! Чуть не забыл. – вспомнил я про Сатчанов. – Ты не хочешь в театр сходить?

– Спрашиваешь! Конечно! Театр я люблю.

– Сатчаны приглашают... – произнес я, с удовольствием наблюдая, как округляются глазницы жены.

– Серьёзно? – удивилась Галия. – И что, ты согласился?

– Нет. Сказал, что с тобой посоветуюсь.

– И что, пойдём?

– А сама ты как хочешь? Как скажешь, так и будет.

– Тогда, соглашайся. – сосредоточенно глядя на меня, решила жена. – Римма же извинилась, наверное, помириться хочет. Это её накрутила помощница Павла, вот она и устроила на его дне рождения концерт по заявкам. Я ещё тогда подумала, как это Сатчана угораздило на такой мегере жениться? Он же неплохо в людях разбирается... Давай, сходим. Вот и посмотрим, какая у него жена на самом деле.

– Хорошо, тогда позвоню ему. – притянул я её к себе и поцеловал. – Скажу, что мы согласны. И, в конце концов, мы всегда сможем встать и уйти, если нам что-то не понравится.

– Надеюсь, в этот раз всё будет хорошо. – улыбнулась жена.

Отзвонился Сатчану, сообщил ему о нашем с женой решении. Он предложил сразу завтра и сводить девчонок в театр в честь праздника. А что, хорошая идея.

Восьмого марта с утра встал пораньше. Сбегал на рынок, выбрал три веточки мимозы попышнее и, когда жена проснулась, я подарил ей цветы, колготки, ночнушку с рюшками, зефирки в яркой коробке и книгу про Анжелику.

Галия была в полном восторге и небольшом смущении. Явно не ожидала такого размаха. Люблю такие моменты.

Часов в одиннадцать заявили Родька с дедом поздравлять Галию. Подарили ей вафельный торт «Полярный». Естественно, мы посадили их сразу пить чай с этим тортиком, зефирками и прочими конфетами. Договорились, что малый выгуляет пса, пока мы в театре будем.

Позвонил Фирдаус, сказал, что они с Дианой подъедут в течение часа. Пока появилось небольшое окно, сбегал поздравил Анну Аркадьевну и Ирину Леонидовну.

Потом набрал отца, уточнил, какие у них с Кирой планы на сегодняшний день? Он сказал, что к часу они ждут у себя Эль Хажжей.

Очень интересно. Значит, они от нас собираются к отцу. Фирдаус, наверняка, на машине. Сказал отцу, что мы с женой с ними приедем. Очень удачно получится. Не надо будет общественным транспортом добираться.

Вскоре приехали Фирдаус с Дианой. Пригласили их на кухню. Родьку дед домой утащил, видя, что у нас родня собирается. Фирдаус вручил Галие букет мимозы и импортную квадратную шоколадку.

– Мы доедем с вами до отца? – спросил я Фирдауса. – Киру поздравим.

– Конечно. – кивнул он.

– Что нового? – спросил я сестру, вручая ей колготки и томик Анн и Серж Голон. – Писал кто из наших? Какие у кого новости?

– Света Герасимович пишет чаще всех. Скоро собирается опять в Москву. – ответила Диана. – Лёша хочет её со своими родителями на дне рождения познакомиться.

– Да. Это я знаю. А про Мишку что слышно?

– Ничего. Всё нормально. Они часто видятся. А! Он Светке рассказывал, что со Славкой виделся в Святославле.

– Как он?

– Водителем у командира нашей части пристроился. Дома бывает чуть не каждый день. Вот уж не думала, что Комарцев такой проныра окажется. – поделилась сестра, не скрывая своего удивления. – А тебе пишет кто?

Ну, про Славку я все знал. Диана меня ничем не удивила.

– Юлька Вабищевич написала как-то. – ответил я. – У неё ребёнок маленький, мама далеко, всё сама, везде одна... Писать особо некогда.

– А муж?

– На работе целыми днями. – пожал я плечами.
– А куда они уехали?
– В Набережные Челны.
– Далеко... – проговорила сочувственно Диана. – Как она одна с ребёнком справляется?
– Как-то справляется... Мы познакомили их с роднёй отца Галии. Они помогли ей на работу устроиться в школу. Помогают, подсказывают...
– Молодцы. – взглянула она на меня с уважением.

К часу все вместе поехали на волге Фирдауса к отцу. У Киры, как всегда, был накрыт целый праздничный стол. Аль Хажжи подарили ей цветы и какую-то большую яркую коробку. А я вручил ей колготки с томиком Анжелики. Да, та проверка в типографии оказалась золотым дном с точки зрения возможности дарить подарки. Сколько времени я теперь могу экономить, что раньше тратил на их поиски!

* * *

Подмосковная дача директора фабрики музыкальных инструментов.

Ираклий напросился к родственнице поздравить её с восьмым марта, а на самом деле он хотел переговорить с её мужем, директором одной из московских фабрик.

Он очень рассчитывал на это знакомство и хотел бы больше времени проводить с дядей Дато, проявить себя, как полезного и верного помощника на будущее. Он специально звал его дядя Дато, чтобы тот привык к мысли, что Ираклий его близкий родственник, хотя это было, конечно, не так.

К счастью, Дато Шенгелия импонировала лояльность и преданность Ираклия, он с удовольствием привечал парня в своём доме, тем более, что парень родственник жены.

Поздравив тётю Нону и вручив ей веточку мимозы и коробку дорогих шоколадных конфет, Ираклий очень скоро оказался рядом с «дядей» Дато.

– Ну, как учёба? – поинтересовался тот.

– Хорошо. По комсомольской линии удалось влезть в Агитбригаду, выступал уже на ЗИЛе. Хочу попробовать в Комсомольский прожектор ещё пролезть. Не знаю только, как поступить... – вопросительно взглянул Ираклий на дядю. – В группе учиться у нас парень один, Пашка Ивлев. Какой-то очень крученный, и преподаватели глаза закрывают, когда он пары пропускает. И замдекана по науке за ним хвостом ходит. Он лекции читает от общества «Знание» по предприятиям. Представляешь? А тут еще, узнал случайно, что его в Будапешт отправляли учиться на полгода, а он отказался.

– Даже так? – удивился выдавший виды дядя.

– Его лично второй секретарь райкома комсомола знает, Пашка к нему на «ты» обращается, я сам слышал. Секретарь комсомольской организации ЗИЛа с Пашкой за руку при мне здоровался. Представляешь такого первокурсника?

Дядя многозначительно покивал головой, мол, да, интересно, и подумал, что у него, конечно, своих полезных знакомых хватает, но ещё один лишним не будет. Тем более, что этот парень только на первом курсе. А что будет лет через десять тогда?

– Хочу с ним подружиться. – откровенно признался Ираклий. – Но не знаю, что такого человека заинтересовать может?

– Летний отдых в Батуми. – хитро посмотрел на Ираклия дядька. – Ещё никто ни разу не отказался.

– Правда? – задумался Ираклий. – А как предложить? Ни с того, ни с сего?

– Нет, конечно. – покровительственным тоном ответил Дато. – Тонко такие дела надо делать... Говоришь, лекции читает от общества «Знание»... Ну так давай устроим ему лекцию у меня на фабрике, чтобы познакомиться. Как его фамилия?

– Ивлев. Павел.

– Ты тоже там «случайно окажешься», как будто помогаешь мне после учёбы. Якобы зайдешь на лекцию, с ним встретишься, познакомишь со мной. А там я лучшего друга своего племянника на дачу приглашу, в баньке все вместе посидим, про Батуми заговорим... Всё будет в лучшем виде, племянник! – заодно подмигнул Ираклию Дато.

* * *

Глава 5

г. Москва

Мы с Галией посидели не очень долго, сославшись на то, что нам ещё в театр сегодня идти. А Диана с Фирдаусом остались.

Приехали домой на такси. До театра оставалось время, прилегли отдохнуть, а в пять часов начали собираться. Сатчан пригласил нас в драмтеатр на спектакль «Валентин и Валентина». Прокомментировал свой выбор тем, что там про молодёжь, должно быть интересно.

Мы встретились у театра. Римма, краснея и смущаясь, попросила забыть, что она наговорила нам на дне рождения. Оценил этот её поступок. Не каждый умеет ошибки признавать.

Галия улыбалась смущённо.

– Кто старое помянет, тому глаз вон. – быстренько закрыл я тему. – Пошли внутрь. Может в буфет ещё успеем.

– Он только в антракте работает. – рассмеялся Павел и провёл нас через контроль.

Объяснения в самом начале хватило, чтобы все расслабились и дальше спокойно общались. Спектакль, на мой взгляд, скучноват. Двое любят друг друга, но их родители против. Но, может, нам сейчас и надо что-то такое, спокойное и умиротворяющее. В антракте пошли в буфет, выпили по чуть-чуть с тостом «за дружбу». Поболтали, посмеялись. Всё было очень мирно и дружелюбно, прямо душа радовалась.

После второй части не спеша получили свои пальто, сдали бинокли и вышли на улицу.

– С почином. – шепнул мне Сатчан, пожимая руку и прощаясь.

– Да уж. Томагавки, вроде, зарыли. – усмехнулся я.

Девчонки мило поулыбались друг на прощанье. Ещё не подруги, но уже и не соперницы.

* * *

МГУ. Кабинет замдекана по науке.

Кротов задумчиво молчал. Коллеги уставившись на него, ждали, что он скажет.

– Приглашение именное. – добавила к уже выше сказанному Эмма Эдуардовна. – Никого другого, кроме Ивлева, мы отправить, всё равно не сможем.

– А если он опять откажется? – взглянул Кротов на Эмму Эдуардовну.

– Не предложим, не узнаем. – раздражённо сказал Зудинов. – Что тут обсуждать, вообще?

– Конференция это же не целый семестр, – вступила опять в полемику Эмма Эдуардовна. – это всего неделя. Какой резон ему отказываться?

Пожалуй, она права. – подумал Кротов. – Вот, и выясним, правду он нам сказал, что отказывается от Будапешта из-за беременности жены. Или там что-то другое. Хотя опытный подполковник пока и представить себе не мог, что же это такое может быть. Обычно у народа куча причин, чтобы ехать. Приобщиться к загранице, дефицита закупить, хвастаться потом всю жизнь. Но не наоборот. Может, и правда, дело в беременности жены?

– Не тяните тогда с беседой. – кивнул Кротов Эмме Эдуардовне.

* * *

После пар в четверг Константин Сергеевич отправил меня с лекцией в автобусный парк. Говорили о дотациях государства на общественный транспорт и об отличиях в подходе к нему «у нас» и «у них». Меня немного разозлило высказывание молодого водителя рейсового автобуса после лекции, что «у них» всё равно всё лучше. Прямо удивительно, парень как будто не в

СССР живет. Не знает, что ли, в какой организации его скоро обсуждать будут? Или уверен, что ниже этой работы ему ничего не грозит?

– Ну, что именно лучше? – спросил я его. – Вещи? Обувь? Бытовая техника?

– А разве нет? – дерзко спросил он меня.

– А вы смотрите глубже! – посоветовал я. – Какую часть вашей жизни занимают вещи, обувь и техника? Ничтожно малую. Но почему вам кажется, что они так важны? Да потому, что потребности во всех остальных сферах вашей жизни закрыты. Вы не задумываетесь о том, где вам работать, и будет ли у вас завтра работа. Вы не задумываетесь о том, на какие деньги выучить детей. Вы не думаете, как заработать на квартиру и на стоматолога. А «там» они об этом думают. У них голова занята не новой шмоткой, а где взять денег на лекарства и отопление квартиры.

Парень пытался спорить, но я быстро поставил его на место, рассказав о стоимости на услуги медицины и недвижимость за рубежом. А также про налоги. Все впечатлились.

– Короче, граждане. Везде хорошо, где нас нет. – закончил я своё выступление.

Местный комсорг, присутствовавший на лекции, долго тряс мне руку, когда мы с ним отошли в сторону.

– Ну, ты силен! – восхищался он. – Как ты их!.. А это всё правда?

– Правда. – с сожалением усмехнулся я. Уж если комсорг сомневается, то простые работники тем более. Пока сами капитализма не хлебнут, не поверят. Ничего, в 90-х поверят всему, что сейчас рассказал, со всей душой!

Зато стало понятно, почему тот водила так осмелел. Этот комсорг мышей не ловит, однозначно. Впрочем, не думаю, что он долго на этой должности задержится. Кто-то все же куда следует стуканет, и будет у них новый комсорг.

В пятницу меня вызвала Эмма Эдуардовна и огорошила тем, что мне в конце марта надо будет ехать в ГДР на конференцию. Ничего себе! Сначала та тетка из Венгрии «выстрелила» приглашением, а теперь, похоже, и тот старичок из ГДР.

– Никакие возражения не принимаются. – строго глядя мне в глаза, заявила замдекана.

Да я и не собирался возражать. Конференция это интересно. Почему не съездить, тем более, если так настойчиво просят.

– А куда надо ехать? – деловито спросил ее.

Поняв, что в этот раз я ее планы не сорву, Эмма Эдуардовна облегченно выдохнула, и ответила:

– Ростовский университет.

О, а я даже знаю, где это! Был я там как-то, в 2010 году. Друг мой в Германию переехал, по еврейской линии. Сам он не еврей, а вот жена таки да, и этого вполне хватило. Гостил у них неделю, в их социальном жилье, выданном за счет государства. На пляж меня возили, крупнейший в Германии курорт там у них, Варнемюнде. Чертовски любопытно, как он сейчас выглядит, в 1970-х. Эх, жаль, что Галию все равно взять с собой не дадут!

Освободившись после пар, поехал к Сатчану узнать последние новости по фабрике и вообще.

* * *

Москва. Гагаринский райисполком. Кабинет второго секретаря РК КПСС.

Герман Владленович был мрачнее тучи, выслушав доклад майора Терещенко о результатах проверки меховой фабрики, точнее, об их отсутствии.

– Я предупреждал, что это бестолковое занятие без конкретных сведений. – поспешил добавить майор.

– Если бы у вас в отделе служили профессионалы, результат был бы. – процедил второй секретарь.

– Нет. – почувствовав, что на него вот-вот повесят всех собак, возразил майор. – Так эти дела не делаются. Мы и так зашли на фабрику без повода. А был бы хороший сигнал, мы уже давно всё раскрыли бы. Такие дела изнутри начинают раскручивать.

– Так, начинайте! – потребовал Герман Владленович.

– Для серьёзной разработки нужен повод. А его как не было, так и нет. Будет повод, будет нужный вам результат. Сейчас здесь больше ничего сделать нельзя. Я вынужден отозвать людей с фабрики.

– От вас никакого толку! – раздражённо ответил хозяин кабинета – Всё самому надо делать!

* * *

Из райкома ушёл быстро. Никаких особых событий не произошло, мы просто перекинулись с Сатчаном парой слов, и я поехал на курсы вождения. Сегодня пропускать никак нельзя. Промежуточный внутренний экзамен. Пугали, что к вождению будут допускать, только при сданных экзаменах по теоретическому курсу.

На экзаменах присутствовало всё начальство. Запускали по пять человек. Екобс нервничал. Попросил его запустить нас с женой в первой пятёрке. Что тянуть кота за хвост? Если знаем, сдадим, и будет у нас свободный вечер. А не знаем, так и нечего агонию растягивать.

Мы сдали. Пропустили двоих отличников вперёд. Потом пошла Галия. Хотел сам видеть, как она будет сдавать, мало ли что.

Галия занервничала перед комиссией. Встал и нахально пересел на первую парту, ближайшую к ним. Директор автошколы удивлённо взглянул на меня, но ничего не сказал.

– Спокойно. Я рядом. – сказал жене. Галия взглянула на меня и кивнула.

Она сумела успокоиться и взять себя в руки. Вытянула билет и ответила на все вопросы. Директор попросил её обосновать выбор ответа сначала на первый вопрос, затем на второй. Галия, немного запинаясь, отвечала, иногда оборачиваясь на меня. Я кивал головой одобрительно, хотя не знал, что она собирается сказать. Главное, морально поддержать, чтобы она не растерялась и не засомневалась в себе.

Как сам ответил, не особо запомнил, за себя не волновался, отстрелялся и ушел. Мы оба сдали. Сдали хорошо, даже снижающих баллов не было.

Возле метро купили с женой маленький тортик, весь усыпанный орешками. Себя надо поощрять за успех. Мы сегодня молодцы.

Едва пришли домой, раздался звонок от Сатчана. Недавно же виделись... Что-то случилось?

Сатчан, пытаясь шифроваться, сообщил мне по телефону радостную новость.

– Елена Викторовна проводила своих гостей. – многозначительно сказал он.

– Всё? Они совсем уехали? – удивился я. – Так быстро?

– Ну, не так и быстро. Неделю-то они погостили.

– Хорошо. Я все понял. До свидания. – попрощался, чтобы не развивать дальше этот разговор. Мало ли кто его слушает, а вдруг Сатчан осмелеет и начнет прямым текстом говорить. У него сейчас эйфория, она сдержанности не способствует.

Слишком всё просто. Слишком легко... Что-то мне не верится в это...

Но тут постучал в дверь Родька, и мы с ним повели пса на улицу. Они бежали по двору, я тоже наворачивал круги, тренируясь, погода была не очень холодная. Все плохие мысли из головы у меня улетучились.

На обратном пути, проводив Родьку до подъезда, столкнулся во дворе с Линой. Поздоровался с ней, как обычно, а в ответ услышал едкое шипение.

– Не понял? – остановился и повернулся к ней я. – Ты чего?

– Ничего! Иван меня послал!

– А я тут причём? – усмехнулся, подумав о пресловутой женской логике.

– А что ты за меня не заступился, когда он к тебе приходил?

Ничего себе заявочка! Это я ещё и виноват? Нет, дорогая, переложить свою вину на меня у тебя не получится.

– Ну, во-первых, я не адвокат. – спокойно сказал я. – А во-вторых, Иван взрослый мужчина и сам решения принимает, если ты не заметила.

– Скажи ещё, что он ни тебя, ни мамочку свою не слушает! – с досадой ответила Лина, развернувшись и пошла в подъезд с гордо поднятой головой.

Наверное, думала, что продолжит со мной свой спор перед лифтом. А я взял и прошёл мимо неё на лестницу. О чём с ней разговаривать? Какая она белая и пушистая, а кругом нее одни злые люди? А не пробовала она не крутить любовь одновременно с разными мужиками, чтобы все попроще было? Но ей об этом говорить совершенно бесполезно...

В выходные решили навестить бабушек, поздравить с прошедшим восьмым марта и вообще, давно не виделись.

Приехали не самым ранним автобусом, часам к одиннадцати. Ещё когда к дому подходили, подумал, что дед Трофим с домом что-то сделал, не так, как раньше выглядит. Но быстро переключился на своих. Зима в этом году снежная, улицу хорошо чистят, но отвалом перегородивают доступ к воротам. Бабушки сегодня еще не выходили и нам с женой пришлось по колено в снегу пробираться к нашей калитке.

Бабушки нам обрадовались, давай сразу стол накрывать, как будто мы с голодного края приехали. А мы им гостинцы привезли. Зефир и пастилу на восьмое марта и две баночки кальмаров натуральных. Это мне в последних «Дарах природы» заведующая шесть баночек сунула, чтобы я им праздновать не мешал.

Бабушки решили сегодня, по случаю нашего приезда, устроить вечером сабантуй и принялись за пирожки.

– Эх, знал бы, винца какого-нибудь вам привёз. – вздохнул я.

– Мы приличный запас своего покрепче имеем, нет нужды, – хмыкнула Никифоровна.

Галия присоединилась к бабушкам на кухне. А я переоделся и пошёл чистить снег. Сначала во дворе у дома ковырялся, постепенно смещаясь к улице. Потом выбрался за ворота и принялся откидывать многодневный отвал.

Махал лопатой уже прилично по времени, решил постоять немного, отдышаться. Тут опять взгляд упал на дом Трофима. Что же изменилось? Стоял, стоял, вспоминал, вспоминал... Догадался! Крыши над крыльцом нет. Да и самого крыльца нет...

Подошёл поближе к дороге... Перед входной дверью Трофима сугроб здоровенный... Ерунда какая-то. Перешел через дорогу, смотрю, ничего понять не могу. Снежный отвал от бульдозера не тронут, и во дворе до самого дома девственная снежная целина. Где Трофим-то? Не помер часом?

Обеспокоенный, я полез через отвал к дому старого. Подойдя чуть ближе, увидел его в маленьком окне деревенской избушки. Он махал мне рукой. Жив, значит, дед. Ускорился и подошёл к окну. Слышно ничего не было, но он активно показывал мне на входную дверь. Подойдя, не сразу понял, что она у него наружу открывается. Только когда он начал пытаться её открыть, услышал стук, дверь упиралась во что-то деревянное. Подойдя к двери ближе, услышал голос деда.

– Крыльцо вчера сорвало! – кричал он из-за двери. – Выйти вторые сутки не могу, дверь не открывается.

О, господи! Полез через сугроб к двери, а это не сугроб, это доски, брёвна снегом засыпанные, всё, что от крыльца осталось. Начал растаскивать, оттаскивать в сторону. Вскоре дед уже дверь приоткрыть смог и протиснулся в щель.

– Слава богу, ты пришёл! – возбужденно говорил он. – Я уж сидел, сидел, ждал, ждал. Ну, думаю, придется вторую раму из окна вынимать, через окно выбираться.

– А что ж сутки ждал? Давно бы вынул. – спросил я.

– Да я их уж лет пять не вынимал, может больше... – махнул рукой сосед. – И красил еще в прошлом году, не снимая. Там все так краской прихватилось, что побоялся, что стекла треснут, если силой отрывать.

Доски, брёвна я убрал. Принёс свою лопату, которую бросил у наших ворот, и почистил у деда ступеньки и дорожку к калитке.

Он попросил меня помочь ему крыльцо восстановить.

– А то снега если много наметет, может дверь не открыться. – объяснил он.

– Как его вообще оторвало? – удивлялся я.

– Снег с крыши пошёл разом со всего ската. А у него вес, знаешь какой?! – зябко поежился старый.

– А ты печь-то топил? – спросил я.

– Да где там, дрова-то в сарае. Я ж говорю, уже инструменты искал, чем окно разбирать. Так-то у меня все инструменты в мастерской...

– Давай-ка к нам быстро. – скомандовал я. – Согреешься, потом всё остальное.

Бабушки как услышали, что дед сутки в нетопленной хате просидел, поначалу в шоке были. А потом начали как две наседки над ним квохтать. Таз ему с горячей водой сразу у печки поставили ноги согреть. Дед сидел спиной к печи, ноги в тазу с горячей водой, в руках большая чашка с горячим чаем. И на лице его постепенно расплывалась блаженная улыбка.

Когда уже он согрелся и поел горячего, мы стали анализировать произошедшее. Как так получилось, что никто деда сутки не хватился?

– Вечером сегодня мы бы его хватились. – уверенно сказала Никифоровна. – Как это так: Трофим на пироги не пришёл?

– Он бы замерз до вечера. – возразил я.

– Да не... Расковырял бы чем-нибудь вторую раму. – ответил дед. – Разбил бы стекло, черт уж с ним, на худой конец.

– Ну, хорошо, что хорошо кончается. – подвела итог бабушка. – Даже окна бить не пришлось.

Но, на самом деле, все были под впечатлением от произошедшего. Зимой шутки плохи...

Пошли с отогревшимся дедом к нему, посмотрели, с чего начать. Посоветовал ему угол наклона изменить у крыши крыльца, покруче сделать.

– Может, следующий раз выдержит, когда снег сразу весь с крыши поедет.

Стойки крыльца быстро подняли и закрепили, а с крышей повозились. Всё хотелось её понадежней закрепить.

Зашивать крышу решили завтра. А то пока мы копались, темнеть начало.

– С боков-то я сам обошью. – рассуждал вслух дед, когда мы шли к нам. – Встану завтра пораньше и обошью. А на крыше мне одному не справиться.

– Я помогу, не переживай! У нас завтра еще целый день будет.

Наши натопили хату посильнее, понимая, что мы с дедом весь день на морозе провели. Позволил себе пять капель под тушеную картошку с мясом, чтобы расслабиться после напряженного дня. Бабушки и Трофим затаили «Ой, мороз, мороз...». И так мне хорошо у печки стало, что не заметил, как задремал.

А приснилась мне, ни много, ни мало, меховая фабрика. Цех снился скорняжный, помню, это там, где шкуры в готовые изделия собирают. Не запомнил, что конкретно, помнил только, что опасность там какая-то...

Жизнь меня научила, что своим снам, как и предчувствию, надо доверять. Нельзя сейчас производство левое запускать, ох, спинным мозгом чую, нельзя. В понедельник буду с Сатчаном встречаться, попробую его в этом убедить. Так-то он мне обещал, но опыт свидетельствует, что в ожидании проверки все очень податливые и на все готовые, чтобы она прошла благополучно. А вот после того, как она уйдет...

Глава 6

12.03.1972 г. Подмосковье. Деревня Коростово.

В воскресенье мы с Трофимом довольно быстро зашили крышу. Но старый шифер раскололся. Пришлось повозиться с новым куском, который пришлось подгонять. Как это сделать без болгарки, я понятия не имел. Но старый показал мне интересный способ. Он гвоздём пробил по линии отреза множество отверстий, а потом, приложив брусок, отломил лишний кусок. Всё гениальное просто.

До обеда мы управились. Дед остался дошивать боковины. Послал меня отдыхать уже категорически, сказал, что погода хорошая, и ему самому в радость немного поработать. И я вернулся к нам. Вчерашний сон не давал покоя. Не хотелось ждать до понедельника, лучше встретиться с Сатчаном сегодня. А то завтра прямо с утра начнут производство левака, и, пока я доберусь до Сатчана, уже успеют всю схему засветить, если менты кого-то на месте оставили.

Объявил своим, что надо возвратиться в Москву пораньше. Вернувшись, набрал Сатчана, сказал, что подъеду, мол, есть один разговор. Но он сказал, что приедет сейчас сам, у него терпения не хватит ждать, пока я на метро до него доберусь. Мне не хотелось лишний раз тревожить жену. Договорились, что я выйду к нему, поговорим в машине.

Минут через тридцать во дворе посигналили.

– Что случилось? – набросился он на меня, когда я подсел к нему на пассажирское сиденье.

– Нельзя завтра возобновлять параллельное производство. – без обиняков ответил ему я.

– Почему? – разочарованно спросил он.

Ну вот как и знал – все обещания забыты. Жажда наживы все перед глазами застит...

– Слишком легко проверку прошли... Так не бывает, учитывая, что проверку конкуренты прислали... Помяни моё слово! Они просто тактику сменили.

– Да что ты выдумываешь! Какую тактику?!

– Не знаю! Просто, жопой чую... Что-то не то... Нельзя сейчас возобновлять параллельный поток.

– И как я, по-твоему, это должен объяснить своим? – раздраженно спросил Павел.

– Мерами предусмотрительности и собственной безопасности. – пожал я плечами. – И Елене Викторовне подскажи, чтобы у неё производственные показатели не сильно отличались в аналогичных периодах. Чтоб всё ровно было...

– Параноик. – недовольно ответил мне Сатчан.

– Паш, ты зря думаешь, что всё закончилось. – серьёзно сказал я. – Всё только начинается. Ты же не думаешь, что Самедов и компания так легко отступятся? Утрутся и забудут?

– Я понял. – резко вскинул он на меня недовольный взгляд. – Попробую донести твою позицию. На сколько надо отложить параллельный выпуск? На неделю хватит?

– Откуда я знаю? – пожал я плечами. – Давай, пока, на две. А там посмотрим.

– Две недели!.. Мне нужны убедительные аргументы. – недовольно сказал он.

– А «бережёного бог бережёт» не аргумент? – усмехнулся я. – Это шахматная партия, понимаешь? Чтобы сделать ход, надо дождаться своей очереди, а мы её ещё не дождались: мы не знаем, что они предприняли.

– Ладно, я понял. – устало ответил Сатчан. Мы попрощались, и он уехал.

Ну, я сделал, всё что мог. Теперь им только собственная жадность угрожает.

В понедельник Лёха напомнил, что у него в воскресенье день рождения, и что он привезет Свету утром в субботу к нам.

– Она билеты взяла заранее, – докладывал он. – и туда и обратно.

– Хорошо, хорошо. Привози, конечно. – подтвердил я, что все наши договоренности в силе. Как у них всё серьёзно, однако. На Новый год только познакомились, а уже такие планы далеко идущие. – Что мама-то твоя, уже привыкла, что она москвичка?

– Ну как тебе сказать?.. Пока ещё не особо. Она только работу поменяла, в Москву из Загорска перевелась, психует, что на дорогу до работы и домой много времени уходит.

– Вот как? А она раньше не знала, что это неотъемлемая часть жизни москвичей? – рассмеялся я.

– Ну может слышала, но не представляла себе, что это такое: полтора-два часа в одну сторону. – усмехнулся Лёха. – Удивляется сейчас, как я ездил полгода из Загорска в Москву учиться?

– Вот. Всё только на своей шкуре познаётся. – подвёл итог я.

Через четверг у нашей агитбригады очередное выступление на ЗИЛе. Наши опять начали оставаться после пар на репетиции. Предупредил всех, что по вторникам и четвергам надолго оставаться не могу, у меня лекции. Предложил оптимальней использовать большой перерыв между парами. Ираклий поддержал меня, он, оказывается, тоже ездит пару раз в неделю на работу после пар.

После репетиции до курсов у меня оставалось ещё время, заехал к Сатчану, узнать, что они решили?

– Ты знаешь, – удивлённо сказал Павел. – А меня поддерживали, только я рот открыл про то, что это не конец и надо тормознуть с параллельным выпуском.

– Ну вот видишь. – удовлетворенно откинулся я на стуле. – Теперь у нас есть время спокойно подумать и оценить ситуацию.

– И как мы будем ее оценивать? – заинтересованно наклонился он ко мне.

– А никак. – усмехнулся я. – Знаешь, как китайцы говорят, если долго сидеть на берегу реки, то рано или поздно мимо проплывет труп твоего врага.

– Не понял.

– Будем сидеть на попе ровно и ждать, когда что-нибудь произойдёт. Может, кто-то на чём-то спалится. Надо обращать внимание на всё подозрительное и необычное. Проинструктируйте всех: если вам показалось, что что-то не так, значит, что-то не так. Обращать внимание на всё! На любой пустяк. Бумаги лежат не так, как их оставили или замок на двери на два оборота закрыт, тогда как его на одном обороте оставляли и так далее.

– Понял. – кивнул головой Павел.

– Тогда я пошёл. У меня еще курсы вождения сегодня.

Он протянул мне руку, мы попрощались, и я покинул кабинет второго секретаря. Только выйдя, обратил внимание на его новую помощницу. Тётенке было конкретно под пятьдесят, маленькая, полноватая и внимательная. Проводила меня строгим взглядом поверх очков.

– До свидания. – сказал ей, с трудом сдерживая улыбку. Молодец Сатчан! Сделал работу над ошибками.

На курсы приехал немного раньше Галии.

А у нас переполох. Врачи приехали.

– А что происходит? – спросил я Екобса, стоящего в сторонке и спокойно наблюдающего, как медики оккупируют аудиторию и делят её между собой.

– Медкомиссия сегодня. – как ни в чём ни бывало ответил он.

Не понял. Это как? Прямо тут нас всех осматривать будут? – ошарашенно наблюдал я, как окулист вывешивает свою таблицу на доске.

Вышел в коридор и решил предупредить Галию заранее.

Она появилась очень скоро.

– У нас сегодня медкомиссия. – встретив её, сказал я. – Не говори им, что беременна.

По очереди мы переходили от доктора к доктору. Нам проверили зрение, слух. Среди докторов были ещё, как я понял, невропатолог и терапевт. Никто не спрашивал с нас справки из психдиспансера или наркодиспансера, осмотр проводился в присутствии всех остальных. Ни о каком соблюдении врачебной тайны и речи не было. Шустрая медсестра резво наклеивала на бланки справок наши фотографии, сданные еще при оформлении на курсы.

Весь процесс был отлажен и занял не более полутора часов. К концу вечера у нас у всех были на руках медсправки. Пришёл инструктор по вождению. Нам объявили, что начинается занятие на автомобиле. Заниматься будем не все сразу и надо разделиться на подгруппы по пять человек.

Вождение по часу в день на площадке автошколы. Машина всего одна, поэтому и разделились, чтобы не стоять долго на улице, ожидая своей очереди попасть в кабину. Не май месяц.

– Может, мы объединимся с какой-нибудь группой и будем приезжать через день, но на два часа? – отозвал я в сторонку Екобса. – День мы два часа занимаем, следующий день вторая группа. А то, если один час всего заниматься, на дорогу времени будет больше тратиться, чем на занятия.

Екобс кивнул и сам поговорил с водилой по поводу моего предложения. Тот пожал плечами нейтрально, типа, мне всё равно. Екобс включил в нашу группу еще троих ребят, с которыми мы в первой пятёрке на внутренний экзамен пошли. Вторую группу тоже сам назначил. Остальные разбивались на группы сами.

Отдали списки групп водиле, они с Екобсом быстренько поставили, с какого времени по каким дням каждая группа занимается. Помня, что у меня вторник и четверг заняты работой, Екобс поставил мою группу на понедельник, среду, пятницу. Пятница не каждую неделю, а через раз. Вообще классно. На этом нас отпустили по домам.

Шли домой с женой от метро не спеша, подморозило слегка, стало скользко. Не хотелось бы, чтобы Галия поскользнулась. Обсуждали начало вождения, жена цепко держалась за меня, отлично понимая, что в её положении дёргаться никак нельзя.

Только завернули во двор, из нашего подъезда вышла Лина с новым мужиком. Она также крепко вцепилась в него, как и моя жена в меня. Вот, ведь, неугомонная... Идя нам навстречу, она сделала воинственное лицо, прямо амазонка. Хотел молча пройти мимо, но не сдержался:

– Добрый вечер, Лина. – ехидно улыбнулся и кивнул на ходу и ей, и её новому мужчине. – Это дядя или брат? – и, не дожидаясь ответа, добавил: – Какая же у тебя семья большая!

Лина что-то фыркнула и прошла мимо, увлекая за собой мужика, недоуменно оглядывающегося на нас.

– Ты чего?! – возмущенно спросила Галия. – Зачем ты так?

– А я тебе не рассказывал? – открыл я перед женой дверь подъезда. – Она мне на днях тут высказала претензии, что не заступился за неё, когда Иван советоваться приходил.

– А откуда она знает, что он к тебе советоваться приходил? – удивилась в свою очередь Галия.

– Кстати да. Откуда? – сообразил я. Небось, сам Иван и рассказал, чтобы было удобнее свой отказ обосновать. Тоже еще. Как ребенок прямо. Ответственность обязательно надо с кем-то разделить. – Ой, ну их...

Поднялись к себе на этаж, а у нас записка в дверях. Николай из девяносто восьмой квартиры просит зайти.

– Иди, узнай, что там стряслось, пока я ужином занимаюсь. – предложила жена.

Разделся и пошёл наверх. Капитан был слегка навеселе, увидев меня, обрадовался и распахнул дверь, приглашая меня войти. У него на кухне сидел гость за аскетичным, по-мужски накрытым столом. Познакомились. Мужики отмечали встречу, учились когда-то вместе. Игорь в Москве проездом. Тоже ходит в загранку. Приехал с Владивостока.

– У меня задание от сослуживцев, – объяснил мне Игорь. – посетить московскую «Берёзку».

– И? Причём тут я? – с какого перепугу они ко мне с таким вопросом обращаются. – В портовых городах должны же быть свои магазины вроде, специально для вашего брата с валютой.

– Ты что, валюту всю отбирают. – возразил мне Николай. – У нас чеки.

– И у нас считают, что в Москве снабжение лучше. – добавил Игорь.

– Вы же себе что угодно привезти можете, зачем вам «Берёзка»? – я никак не мог уловить суть проблемы.

– Не всю валюту за границей можно потратить. – пояснил Николай. – Командировочные за обратный путь уже нигде не потратишь. Их на чеки меняют по прибытии в родной порт и в специальных магазинах отоваривают.

– Хорошо, а от меня что требуется? – всё не мог взять в толк я.

– Адрес «Берёзки» нужен! – объяснил, наконец, Игорь.

– А ты что, не знаешь? – взглянул я на Николая.

– Откуда? Я не москвич.

– Здравсте, приехали... – удивился я. – А квартира чья?

– Мамы с папой. – подмигнул мне Николай с таким хитрым видом, что я не удержался и рассмеялся. Не сомневался, что он ещё тот жучила.

– Был я как-то в «Берёзке»... – проговорил я. – Но меня туда возили, адрес даже близко не пытался запоминать. Мне надо звонок сделать. Узнаю адрес и приду, ладно?

– Давай! Мы тебя ждём! – Николай показал рукой на начатую бутылку виски на столе.

Галия хлопотала у плиты.

– Ещё пять минут! – крикнула она мне с кухни.

Тогда позвоню пока Фирдаусу. Набрал номер и стал ждать. А трубку всё не берут и не берут. Где Эль Хажжей носит? Наконец, Фирдаус ответил.

– Слушаю. – сказал он то ли нервно, то ли расстроено.

– Привет. Это Павел Ивлев. – представился я и услышал возмущенный женский голос. Ругалась Диана. Я сразу узнал эти интонации... – Что там у вас? – сочувственно спросил я Фирдауса.

– Да... – с досадой протянул он. – Думали, что поедем летом в Париж. Но родители решили, что в Париж поедет старший сын Амаль. А я пока останусь при отце в Ливане.

– Ну, задумку я понимаю. – сказал я. – На самом деле, твой отец очень правильно рассудил: отправить в самостоятельное плавание старшего сына, а младшему дать возможность опыта поднабраться под своим чутким руководством.

– Я тоже это понимаю! – воскликнул Фирдаус. – Как мне жене это объяснить? Зачем я вообще ей рассказал про Париж?

– Это да... – ответил я. – Давно она бесится?

– Сегодня уже минут десять. И вчера кричала минут двадцать, когда только узнали.

– Авось, скоро начнёт успокаиваться. Ты, главное, сам первый мириться не начинай. Покажи, что недоволен таким ее поведением, что ей надо учиться держать себя в руках. У Дианы характер вспыльчивый, сам знаешь. И с этим обязательно надо разбираться сразу. А не то...

– Угу. – ответил Фирдаус, и я обратил внимание, что у них в квартире стало тихо. Похоже, до Дианы, наконец, дошло, что они с мужем не одни и кто-то ещё её слышит.

– О, я что звоню-то... – вспомнил я. – Можешь сказать адрес «Берёзки», где мы музыку мне покупали?

Точный адрес Фирдаус не знал, но сказал, как найти и как проехать.

– Спасибо. Держись там, брат. – пошутил я и попрощался.

Пужинал и, пока не пришло время с Тузиком идти гулять, поднялся к мужикам сориентировать их насчет магазина. Меня тут же усадили за стол, и я минут пятнадцать сначала объяснял им, как проехать, а потом делал вид, что пью, а сам с удовольствием слушал их пиратские байки. Эх, если б не Родька, пошёл бы гулять с псом позднее. Хотелось еще посидеть с мужиками, но пацан уже небось ждет меня.

Так и оказалось. Вернувшись, застал его у нас в прихожей одетого. Велел ему брать Тузика на поводок и идти во двор. А то точно вспотеет, пока я оденусь.

Пока спускался во двор, всё думал, что надо что-то делать с сестрицей. А то напугает Фирдауса своими скандалами, он без неё к родителям летом вернется. Сама себе все испортит, дуреха, на ровном месте. Решил заехать к Эль Хажжам завтра после лекции, серьёзно поговорить с сестрой.

Во вторник Эмма Эдуардовна сняла меня с первой пары и возила в райком, и я понял, что она едет в ГДР со мной. Интересно, не планировалось ли также и с Будапештом? Должна была меня отвезти туда на учебу, а потом приехать и забрать? Тогда понятно, почему она тогда так расстроилась, когда я отказался ехать... Сразу две поездки в загранку потеряла.

Мы посетили несколько кабинетов, после чего вернулись в универ. Интересно, мне сделают загранпаспорт? Или поедем со списком? Удивительно, но все было очень ровно. Вопросы задавали, конечно, но какие-то безобидные, на общую эрудицию. Кто руководит ГДР? Какова роль немецкого пролетариата на международной сцене? Думал, выезд за рубеж предваряет более серьезная волокита. Хотя, ГДР же не капстрана.

С другой стороны, вот точно помнил, что людям конкретно так нервы трепали, прежде чем выпустить и в соцстрану... Может быть, в университете попросту боялся, что я снова откажусь, и провели предварительную работу, чтобы ко мне в этих высоких кабинетах не сильно придирались с расспросами? Подвязки у них, наверняка, будь здоров. Или же другая версия тоже возможна... Не все же такой эрудицией располагают, как лектор «Знания». Может, те вопросы, которые я считал простыми, кого-то на самом деле серьезно напрягают?

Правда, как намекнула Эмма Эдуардовна, мне еще предстоит разговор в КГБ, но они сами меня найдут. И очень посоветовала не проявлять там свой норов. Я сделал добрые глаза, и сказал, что и не думал. Она только тяжело вздохнула, словно мне не поверила ни на грамм.

Глава 7

г. Москва

Поговорили с замдекана и на тему выступления в ГДР. Как выяснилось, от меня требовалось сделать тот же самый доклад, что я уже делал на московской конференции. Мол, именно он впечатлил профессора, и он настоятельно просил никаких изменений не делать.

Странно как-то, если честно. Смахивает на мои лекции в «Дарах природы». Одна и та же тема в нескольких десятках магазинов и крутись как хочешь. Это я из-за своей натуры, чтобы не скучать, каждый раз что-то переделываю, а мог бы то же самое долдонить...

Лёха в столовой обмолвился, что Света просит пригласить на день рождения и Диану с Фирдаусом. Типа, ей спокойней будет в привычном кругу.

– Может, всех наших пригласить? – спросил он меня. – Машу с Витей, Свету с Ираклием?

– Это ты сам решай. – усмехнулся я. – Если дома будешь отмечать, то надо с родителями в первую очередь посоветоваться, стол же они будут организовывать?

– Правильно. – согласился со мной Лёха и помчался звонить матери на работу.

После пар на репетиции он торжественно пригласил нас в воскресенье на свой день рождения и получил в ответ радостные возгласы. Все согласились.

Мы с Ираклием долго на репетиции оставаться не могли, у нас работа. Пока шли к метро, Ираклий поделился со мной, что его взял к себе на поставки тёткин муж в управлении фабрики бумажки перебирать, как он выразился.

– Ну, молодец, пристроился. – похвалил я его. – Всегда говорил: кто ищет, тот всегда найдёт. И практику у него проходить будешь, потом и распредишься к нему, в Москве останешься. – сразу прикинул я возможные перспективы.

Мы дошли до метро и попрощались до завтра. Меня ждут в очередных «Дарах природы». Это оказался небольшой магазинчик в районе Зоопарка. Добрался быстро и приехал раньше назначенного срока. Вошёл в торговый зал и как обычный покупатель начал осматривать прилавки и витрины. Всё-таки, умели в Советском союзе витрины оформлять. Какходишь, красиво, уютно, кругом горы, стопки и пирамиды из товаров. Все полки заняты. А подойдешь ближе, или муляжи, или трехлитровые банки с соком, или бутылки с минералкой и уксусом, или простые рыбные консервы.

Обошёл магазин не спеша, растягивая время. До начала выступления было еще минут пять. И вдруг наткнулся на презрительный взгляд работницы торговли. Две продавщицы из разных отделов, за неимением спроса покупателей на представленные в магазине товары, цены все же тут высокие, коротали время на границе отделов, болтая друг с другом. Не знаю, о чём они говорили, но судя по взгляду одной из них, немногочисленные покупатели магазина стояли для нее на одном уровне с мышами в подсобке, которые крутятся под ногами и отвлекают от важных разговоров.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.